

Серов Г.А.

18+

極東

Крайний Восток

Сборник

Георгий Алексеевич Серов

Крайний Восток

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63215762

SelfPub; 2020

Аннотация

Представлены: 1. Три рассказа из цикла "Сказочки народов мира", в которых объясняется, откуда пошли средневековая "чёрная смерть" и современный Ковид19, а также указывается о необходимости соблюдать осторожность при знакомстве с японскими женщинами. 2. Несколько рассказов из цикла "Дзенские притчи Таниндабуро Котэ" о приключениях монахов и наставников дзенских монастырей. 3. "Ятай" – исследование об исчезнувшем архипелаге, находившемся некогда в Тихом океане. 4. "Смартолюбцы" – рассказ о молодой паре, поглощённой с потрохами электронными устройствами.

Содержание

Из серии «Сказочки народов мира»	4
Монголия	5
Япония	11
Китай	18
Из серии «Несколько дзенских притч Таниндзабуро Котэ»	28
Болван	29
Каверзный вопрос	31
Умные вопросы	32
Доходчивое объяснение	34
Отражение	39
Фиолетовые слоны бегут на север	42
Палец	44
Умный ученик	45
Отсутствие ума	46
Суть дзен	47
Сострадание	48
Ятай	52
Смартолюбцы	96

Георгий Серов Крайний Восток

Из серии «Сказочки народов мира»

Монголия

Дщери Хубилая

Всем известно, что хан Хубилай, величайший правителей, владения которого простирались от Великого океана до Хазарского и Скифского морей, был поклонником поэтического творчества.

Радость покидает меня от того, что сохранилось лишь одно стихотворение – трёхстишие, название которого привести здесь не решаюсь про причинам, которые будут изложены впоследствии.

Всем известно также, что в браке Хубилая с Чаби, его второй старшей женой, народилось четыре сына и пять дочерей.

Судьба двух дочерей Хубилая: Мяоянь и Ху-ду-лу Цзе-ли-ми-ши, известна – Мяоянь приняла постриг и удалилась в монастырь Таньчжэ, что находится в Западных горах (Сишань), а Ху-ду-лу Цзе-ли-ми-ши стала женой Вон Чона – короля Корё.

Говорят, что судьбу их определил сон, что приснился обеим дочерям хана накануне его пятидесятого дня рождения. Согласно преданию, одной, той, что звалась Мяоянь, приснился синий дракон с зелёными глазами, а другой – красный с жёлтыми глазами. Хотя есть и другое предание, свидетельствующее о том, что события развивались совершенно

иначе: Мяоянь приснился красный дракон с жёлтыми глазами, а Ху-ду-лу – синий.

Однако история обычно умалчивает о судьбе трёх оставшихся дочерей: Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл.

Легенда гласит, что после смерти Чаби, любимой старшей жены, Хубилай погрузился в пучину пьянства и обжорства, из которой вырваться ему суждено не было.

Поговаривают, правда, что пьянство и чревоугодие Хубилая связано, прежде всего, с провалом второй и последней попытки вторжения в Японию, когда запущенный богами-покровителями государства Страны восьми островов тайфун «Божественный ветер» уничтожил гигантское войско монголов, утопив корабли, насчитывавшие числом своим более тысячи. Не ладилось у хана и с завоеванием Дайвьета и Тямпы.

Впрочем, я отвлёкся, ведь речь здесь идёт о дочерях Хубилая и Чаби, оставшимися без матери и, почитай, без отца в достаточно юном возрасте.

Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл в силу возраста склонны были к шалостям и причудам, свойственным избалованным и не привыкшим к каким-либо ограничениям в свободе своих действий личностям.

До Тахал, средней по возрасту из этой троицы, дошла молва, что отец её, хан Хубилай, помимо стихотворений, вписывающихся в рамки обыденной стихотворной формы, используя знания и умения своих советников, звездочётов, ма-

гов и провидцев, пишет так называемые магические стихи, прочтение одного из которых, да даже и доступ к его тексту были ханом категорически запрещены.

Разумеется, девица поделилась слухом со своими сёстрами Асуудал и Хар-Үхэл и с тех пор покой для них был утрачен. Они по крупицам собирали информацию из любых сплетен, слухов и молвы о магическом стихотворении, сочинённом Хубилаем.

Сплетни, одна невероятнее другой, доходили до их ушей. Говорили даже, что магический стих был причиной смерти их матушки Чаби, которой было от роду всего 54 года, и преданной ей служанки Люй Ши.

Мол, Чаби увлекалась поэзией, в том числе и сочиненной мужем её, и, втайне добравшись до исписанных Хубилаем листов с творениями стихотворной формы, среди которых был и этот проклятый стих, потребовала Люй Ши прочесть их вслух, дабы усладить слух свой.

Тела Чаби и служанки были обнаружены челядью, когда Хубилай озабочен тем, что любимая старшая жена не изволила лицезреть его в течение дня. По полу были рассыпаны листки с каллиграфией, а в руках Люй Ши был зажат листок с роковым стихотворением, состоявшим из трёх коротеньких столбцов.

Каково же было горе хана, когда он узнал о смерти жены! Однако ещё больше он был потрясён догадкой, молнией пронзившей его мозг, что жена его погибла из-за его увлече-

ния сложением магических стихов.

Он приказал трём своим советникам уединиться в одной из бесчисленных комнат императорского дворца в Ханбалыке с одним из слуг и, заткнув предварительно уши так, чтобы ни одно слово из стихотворения не достигло их слуха, приказать слуге прочесть вслух написанное на листке, обнаруженном в руках бедняжки Люй Ши.

Худшие опасения хана подтвердились – прочтя вслух все три столбца иероглифов, слуга упал замертво, что было засвидетельствовано советниками Хубилая.

Неизвестно, то ли присущее женскому полу любопытство, то ли врождённая злонамеренность послужили причиной произошедшего впоследствии – нам остаётся лишь гадать.

Составив примерное представление о том, что произошло в императорском дворце, через продажного хранителя манускриптов (эта продажность ему впоследствии дорого обойдётся – по указанию хана его заживо сварят в кипятке, впрочем, об этом далее) девицы Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл за получили листок со злосчастным трёхстишием.

И хотя сёстры не особо верили в фантастические слухи, они решили проверить магическую силу творения их отца следующим образом. Стихотворение будет вслух прочтено ими по очереди, то есть Тахал должна прочесть первый столбец, пока две её сестры, Асуудал и Хар-Үхэл, будут стоять поблизости, зажав уши руками, чтобы не пострадать, затем Асуудал будет читать второй столбец вслух, пока две её сест-

ры будут стоять рядом, зажав уши, и т. д.

В их представлении, такое прочтение стиха вслух им точно не принесёт ни малейшего вреда, а вот окружение, на что они втайне надеялись, может пострадать. С помощью стихотворения три сестры рассчитывали обрести власть над миром.

Для начала они решили проверить действие смертоносной магии на каком-нибудь водоёме. Под предлогом путешествия на родину, они отбыли в область Каракорум и там, отвязавшись от охранников, сообщив о необходимости омовения в чистых водах озера Там нуур, девицы привели во исполнение свой план.

Каково же было удивление охраны, сопровождавшей сестёр в их путешествии, когда на берегу озера были обнаружены охлаждающие трупы молодых прелестниц Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл, а по глади озёрной растекалось огромное чёрное, схожее с чернильным, пятно.

Никому не известно, что произошло далее. Скорее всего, гонцу, примчавшемуся к Хубилаю со стороны Каракорума с печальной вестью о гибели трёх дочерей хана, была отрублена голова, а в направлении, откуда прибыл гонец, был направлен карательный отряд для истребления беспечных воинов, призванных оберегать жизни Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл.

Дщери Хубилая были погребены, хранитель манускриптов принял мучительную смерть, а об озере Там нуур, что

услышало звуки, заряженные смертельной магией, быстро разошлась молва как об источнике гибели всего живого.

Однако Хубилай умер, сменилось не одно поколение, и поистёрлась порядком память людская об опасности. А уж когда по земле прошла засуха и мор голодный, люди и животные вынуждены были кормиться и поиться из озера.

То было в первой половине века XIV.

Так началось шествие «чёрной смерти» по земле.

Неизвестна лишь судьба листка с начертанным на нём стихотворением – был ли он обнаружен рядом с трупами дочерей хана Хубилая и стал ли стих единственным сохранившимся из всего поэтического наследия правителя либо же таким наследием стал какой-то другой стих?

Япония

Прогулка Юмэ

В этот жаркий июльский день Осороши Юмэ неспешно прогуливался по песчаному взморью. Вечно беспокойный океан сегодня был особенно сердит, грозясь утащить незадачливых купальщиков в свои глубины, поэтому пляж был почти пуст.

Юноше встретились лишь парочка девиц в закрытых купальниках, прыснувших от смеха, желая, по-видимому, обратить на себя внимание Юмэ, когда тот проходил мимо, да ребятня, запускавшая воздушного змея странного вида – леска тянулась от парившей в воздухе женской головы с хвостом из зелёного цвета мишуры.

Юмэ невольно засмотрелся на завораживающую и одновременно жутковатую картину парения в воздухе женской головы, выглядящей столь натурально, и колыхания зелёного хвоста в потоках влажного ветра, дувшего со стороны штормящего океана.

Простояв пару минут, наблюдая за полётом змея, Юмэ развернулся и собрался было уже идти далее, как перед ним, словно ниоткуда, появилась Она – прекрасная незнакомка в изящной работы пляжной тунике, сквозь тонкую ткань которой угадывались манящие женские формы.

– Ох! – Выдохнул Юмэ, столкнувшись лицом к лицу с девушкой. Кровь бросилась к лицу и сердце затрепыхалось в груди птицей, подстреленной безжалостной стрелой, выпущенной из длинного лука юми.

Перед ним стояла та самая прелестница из сотен его самых сладчайших и одновременно горчайших снов, неизменно заканчивавшихся бесплодными попытками угнаться за исчезающим, уплывающим, испаряющимся в воздухе видением совершенства красоты в женском обличье.

Как быть? Что же это, он вновь мечтает или...

– Сорри, ой, в смысле, сюмимасэн. – Начал Юмэ, но лишь тихая улыбка была ответом на его сбивчивые извинения.

– Не стоит суетиться, Юмэ, ведь известно, что поспешность губит дело. – Скромно опустив взор свой на желтизну песка, промолвила девушка.

– Вы... Вы знаете моё имя? – Удивился Юмэ.

– Да, ведь я живу с вами в одном отеле и давно за вами наблюдаю. Вот и услышала ваше имя в один из дней. Не помню... возле ресторана, по-моему.

– Вы наблюдаете за мной? Но я вас ни разу не видел. – Воскликнул Юмэ.

Девушка лишь рассмеялась в ответ. Пока её звонкий переливчатый смех звучал в ушах Юмэ, он успел тысячу раз проклясть себя за свою бестолковость и рассеянность: «Надо же, проглядеть свою мечту! О чём я только думаю!»

– Милый Юмэ, я как только увидела вас, сразу же поняла

для себя, что мне определённо нравится этот молодой человек. – Проговорила тихо девушка. – Я искала встречи с вами, но, как я поняла, каждый день мы оказывались в разных местах. И наконец-то...

– Наши дороги пересеклись. – Не дал договорить ей всплывший огнём любовной лихорадки Юмэ. – Как зовут тебя, прелестница?

– Хеби. – Вновь потупив взгляд, ответила девушка.

– Хеби? – Спросил Юмэ, не веря своим ушам. «Родители твои были знатными выдумщиками» – хотел было продолжить он, но осёкся.

– Хеби, Хеби... Хе-е-би... Как здорово! Какое сладкое имя. – Юмэ, хотя и не имел особого опыта общения с прекрасным полом, но какой-то внутренний задор, проснувшийся в нём неожиданно для него самого, подтолкнул его взять инициативу в свои руки. – Может, прогуляемся? День такой славный, пляж пустынен, как никогда, и ничто не помешает нам насладиться прогулкой.

– Это то, о чём я мечтала ещё с прошлой недели. – Радостно проговорила Хеби и лёгкой походкой, сопровождаемой изящным и столь притягивающим покачиванием тонкого стана, направилась в сторону невысокой скалы, о которую разбивались океанские волны.

Хеби шла немного впереди и бросала через плечо лукавые многообещающие взгляды, от которых Юмэ совсем потерял голову. Ему вовсе не показалась странной такая прогулка по

вязкому песку пляжа, хотя со стороны могло показаться, что Хеби заманивает юношу в некую ловушку.

– Ну вот, наконец-то пришли. – Запыхавшимся голосом радостно сказала Хеби, когда они подошли к скале. – Здесь нас никто не увидит. Поцелуй меня!

– Но... Как? – Поразился Юмэ. – Прямо сейчас?

– Ты не хочешь меня? – Надув губки сказала Хеби. – Со всем?

– Я... Я просто не думал, что как-то так сразу. Это неожиданно, что ли... – Поспешно забормотал Юмэ, но последние его слова утонули в сладком влажном поцелуе Хеби, которая, как ему показалось, готова проглотить его целиком, утопить в своей тёплой дрожащей плоти.

Затем всё произошло настолько быстро, что Юмэ даже не успел понять, что же конкретно случилось, – Хеби начала плавно спускаться вниз, осыпая поцелуями шею, грудь, затем живот юноши. Он сдёрнул, разрывая второпях свою тонкую рубашку. Хеби проворными пальцами расстегнула ремень его брюк и, расстегнув ширинку, рывком сняла с него брюки вместе с трусами.

Когда Хеби поднимала голову, чтобы посмотреть в глаза Юмэ, ему на мгновения казалось, что глаза девушки напоминают кошачьи, но наваждение это рассеивалось как дым – молодой человек полагал такие видения некой галлюцинацией, вызванной волнами сладостной истомы, что накатывали, захлёстывая его с головой.

– Снимай обувь! – Приказала Хеби и Юмэ, стгорая от нетерпения, с радостью подчинился приказанию, скинув прочь свои шлёпки.

– Ложись и закрой глаза! – Повторно отдала приказ Хеби и юноша покорно подчинился ей в предвкушении безграничного наслаждения.

– А ты? – Спросил он, постанывая от мучительно-медового возбуждения. – Я хочу посмотреть на тебя.

Девушка ничего не ответила, но, хихикнув, отползла к ногам Юмэ и...

– О-о-о, Хеби! – Выдохнул юноша, почувствовав, как большие пальцы его ног коснулся язычок девушки. Истома накатывала на него волнами, поднимаясь от кончиков пальцев ног к груди и выше, выше... Он впал в полудремотное состояние в ожидании полёта к звёздам.

Внезапно Юмэ почувствовал, как ноги его погружаются в нечто влажное, теплое и мягкое. Он открыл глаза, посмотрел на свои ноги и, к ужасу своему, увидел, как Хеби, нет, не Хеби, а некий монстр с гигантской пастью поглощает его, придвигаясь к его туловищу, широко, настолько широко открыв свою глотку, что в неё вошли обе его ноги.

От неожиданности он вскрикнул и дёрнул ногами, пытаюсь вытащить их из пасти жуткого существа, которое раньше было Хеби, однако ноги его не слушались – они успели уже увязнуть в ало-красной утробе чудовища, толчками поднимавшегося всё выше и выше по направлению к голове Юмэ.

– Значит, глаза у неё были не кошачьи, а... змеиные! – Успел подумать юноша, когда рот уродливого монстра добрался уже до бёдер, заглатывая Юмэ всё глубже и глубже.

Затем он почувствовал лёгкий укус в живот двумя острыми как иглы зубами и погрузился в блаженную дремоту, которую можно было бы сравнить с сексуальной эйфорией на пике наслаждения, если кто-то озаботился бы таким сравнением.

Юмэ же было не до сравнений – он лишь чувствовал как его тело всё глубже и глубже погружается в тёплую обволакивающую утробу чудовища.

Вдруг в какой-то момент юноше стало не хватать воздуха, предсмертные конвульсии пробежали по его расслабленному телу, он сделал отчаянную попытку выбраться из чрева жуткого монстра, но тщетно.

Когда тело Юмэ перестало содрогаться в агонии, душа его взмыла над изгибающимся в ленивой сытой истоме зелёным телом гигантской змеи с мерзкой, имеющей змеиные черты лица женской головой, вместо змеиной.

Жёлтые, сузившиеся на солнце зрачки словно нехотя проследили за полётом души юноши и изо рта чудовища высунулся на мгновение раздвоенный язычок, как будто бы змея махнула Юмэ на прощание.

Лёгкая туника, что была надета на тело прекрасной Хеби, волочилась по песку, сдуваемая вглубь пляжа крепчающим ветром с океана. Вдали, в лучах краснеющего солнца, кло-

нящегося к горизонту на Западе, трепыхался на ветру воздушный змей в виде женщины-змеи – Нурэ-оона.

Китай

Стихи смерти

Две девчонки-школьницы в ярких лёгких курточках и юбочках-шотландках, Люй Ши и Сунь Ся, прогуливались по рынку, оживлённо щебеча о своём, девчачьем.

– Слушай, мне Лу Ян совсем не нравится. – Тряхнула кошечками Люй Ши. – Он какой-то, как бы тебе сказать, долговязый как бамбук и неуклюжий как панда. И к тому же, бэ-э-э, – она скорчила гримаску, изображая человека, одолеваемого рвотными позывами, – он весь такой прыщавый и, к тому же, очкастый.

– Ты что! – Вступилась за Лу Яна, парня из их класса, Сунь Ся. – Внешний вид в человеке не главное. Зато с Лу интересно общаться!

– Ой, кто-то у нас влюбился в кого-то. – Озорным взглядом глянула на подругу Люй и шутливо пихнула её локтем.

– Перестань! – Лицо Сунь порозовело. – Перестань сейчас же! А то обижусь.

– Да ладно, уж и пошутить нельзя. – Примирительно сказала Люй.

– А вот, кстати, ты мне напомнила одну вещь! – Воскликнула Сунь. – Знаешь, что Лу Ян мне недавно рассказал? Я бы, может, и не вспомнила, да моя подружка, ты её не зна-

ешь, мне про такое же рассказывала.

– И чего же Лу рассказал тебе такое? – Скептически спросила Люй Ши – она, как и любой эгоист, не очень любила, когда при ней разговаривали не о ней и не о её чувствах, а на какие-то, как ей казалось, отвлечённые и неинтересные темы.

– Ты, может, слышала о том, что существуют такие стихи, прочтение которых вслух, приносит беды и несчастья? – Спросила, расширив глаза от напускного ужаса, Сунь Ся.

– Нет, конечно. – Скорчила гримаску Люй Ши. – Что за ерунда?

– Не ерунда! – Глаза Сунь загорелись и она затараторила. – Вовсе не ерунда. Я тоже сначала не поверила Лу Яну, но когда мне рассказала о таком же моя подруга, ты её не знаешь, Ци Хай зовут, она ещё недавно из Токио вернулась. Так вот, когда Ци мне рассказала, что с ней в Японии произошло, все мои сомнения рассеялись, как утренний туман над Хуанхэ.

– Да? – Столь же скептическим тоном поинтересовалась Люй. – И что же такого она тебе рассказала?

– Вот, слушай. – Собравшись с духом, выпалила Сунь. – Ци, когда из Токио вернулась, была сама не своя – на костылях передвигалась, похудела.

Она подумала немного, затем, понизив голос, продолжила:

– Я у неё, конечно, спрашивать начала: что, мол, с тобой,

подруга такое? А она мне, так, мол и так. Есть, говорит в Японии такое поверье – кто вслух прочтёт стихотворение «Ад Томино», тот, если и не помрёт, по любому пожалеет о том, что прочёл этот стих. Навалятся на того всякие беды и несчастья, ну или если не на него, то, по крайней мере, на его близких.

– Ну и? – Насмешливо посматривая на подругу, спросила Люй.

– В общем, Ци так же как вот и ты сейчас, относилась ко всем этим поверьям и рассказам. Пospорила со своей японской подружкой, что прочтёт это стихотворение жуткое и ничего с ней не случится.

Сунь подошла к прилавку с фейхоа и, понюхав один из плодов, попросила у торговца взвесить ей один цзинь. Пока тот взвешивал, девочка продолжила, неизменно понижая голос, словно боясь быть услышанной кем-то:

– Ци, скорее, даже не поспорила, потому что её подружка, Наоки, если не ошибаюсь, всячески отговаривала её от такой затеи. Как это назвать – бравадой, что ли?

Торговец передал Сунь пакетик с фейхоа и, получив причитающееся, улыбнулся всеми своими немногочисленными жёлтыми зубами. Девочки отошли от прилавка и продолжили свой путь в рыночной суматохе.

– В общем, прочла Ци это стихотворение проклятое вслух. – Продолжила задумчиво Сунь. – Японка в это время в другую комнату ушла и, по её заверениям, зажала себе уши

покрепче, чтобы не слышать.

– Ага, и чего дальше? – Слушая вполуха, спросила Люй.

– Чего дальше? – Вздохнула её подруга. – А дальше вот что. День прошёл, другой – ничего. А вот на третий...

Ехала Ци в автобусе на экскурсию на остров Садо и автобус этот ограждение пробил и прямиком в море – водителю плохо стало, то ли инсульт, то ли инфаркт, но это, в принципе, не важно. Короче, чуть не пошла наша Ци на корм рыбам. Чудом выловили, откачали, но ноги переломаны, сотрясение мозга, операции и тому подобное.

– И что же, твоя подруга связывает это с прочтением стихотворения «Ад Тобико»? – С усмешкой осведомилась Люй у Сунь Ся.

– «Ад Томино» – Поправила Сунь подругу, а затем продолжила. – Выходит, так. Она когда в больнице девочкам в палате рассказала, на неё все как на умалишённую смотрели. Говорят, ты что, не знаешь, сколько народу в Японии погибло из-за стиха этого жуткого? Ты знаешь, говорят, статистику суицидов в Японии? Ты думаешь, это люди сами себя? Нет, это вот все такие же, как ты, идиоты. На спор читают, а потом либо в речку с моста, либо на ножик напорются, либо в петлю лезут. У них в голове от стиха этого чего-то переключается и всё, пиши пропало. До старости точно не доживешь.

Сунь опять тяжело вздохнула.

– Вот теперь Ци с этим как-то и живёт. Пока, говорит,

держусь, но мысль эта мне покоя не даёт. Хочу надеяться, говорит, что на этом автобусе мои несчастья закончились, но...

– Что ты мне ерунду всякую рассказываешь? – Люй изменилась в лице. – Настроение испортила только.

– Не ерунда всё это, Люй! Ты, вот, например, знала, что и в России есть такое стихотворение, которое, если прочитаешь вслух, то обязательно беда придёт? «Смерть пионерки» называется.

Его там написали в прошлом веке в начале 30–х, в 1931–м или 1932–м году. Потом ввели в школьную программу к разучиванию и прочтению вслух перед классом в обязательном порядке.

Сунь внезапно остановилась, оглядываясь вокруг в поисках чего-то. Люй, следуя примеру подруги, тоже встала и начала с любопытством рассматривать прилавки со всякой съедобной и не очень съедобной снедью.

– И вот представь, вызывают какого-нибудь пионера или пионерку на уроке к доске читать этот стих, а вечером за папой или мамой приезжают и либо на расстрел везут или в Сибирь. А в Сибири зимой знаешь как холодно? – Глаза Сунь раскрылись от ужаса. – Минус сорок – минус пятьдесят. Бр–р–р. Цхао ни ма!¹ Короче, смерть верная!

Сунь перевела дух, оглянулась воровато по сторонам – не

¹ По морально-этическим соображениям данное выражение оставлено без перевода. Оно означает «... ..!».

услышал ли кто крепкое выражение из её уст – и продолжила:

– Пионеры-то когда поняли, к чему приводит чтение вслух стиха про пионерку эту, начали всячески избегать выходить к доске. Но пока дошло до них, народу в России, тогда ещё СССР, постреляли да по лагерям сгнобили!

– Да-а? – Словно не веря своим ушам, спросила Люй. – Слушай, Сунь, а ты умом случайно не повредила ли? Вместе со своей подругой Ци и прыщом этим ходячим Лу Яном? Что за бред?

– Да не бред это, Люй! – Чуть не плача воскликнула Сунь. – Всё совпадает – в начале тридцатых стих написали, пока вводили в школьную программу, пока то, пока сё, репрессии эти советские и начались. Против фактов не попрёшь!

Вот и у вьетнамцев есть такой стих. «Кровавый лотоса цветок» называется. И у корейцев...

– Наверняка какой-нибудь «Кровавый пёс». – Перебив подругу сострила Люй и хохотнула, довольная своей шуткой. – Или «Адкий», нет, «Ац-ц-ц-цкий пёс»!

– Тебе бы всё смеяться. – С дрожью в голосе сказала Сунь, покусывая губы от досады.

Она лихорадочно сняла со спины ранец и, покопавшись в его обширных внутренностях, достала на свет тетрадь в красной обложке.

– Вот, смотри, у меня распечатки этих стихов вклеены в

тетрадку. И перевод их на китайский рядом. Вот, – Сунь трясущимися от волнения руками перелистывала разлинованные листки с наклеенными листками плотной белой бумаги. У корейцев это не «Кровавый пёс», а «Хон Суль уходит из дома». Мне Лу Ян на недельку эту тетрадку дал, я у него выпросила.

– Я каракули русские и корейские не разбираю, а в японском хоть и есть наши иероглифы, но их немного, так что тоже, считай, не понимаю ничего. – Усмехнулась своими изящными губами Люй, глядя через плечо подруги в тетрадку. – Наверняка перевод вслух читать бесполезно, так ведь?

– Ну, не знаю, наверно. – Пожала Сунь плечами. – Хотя я лично проверять бы не стала.

– А интересно, у нас в Китае есть такой стих? – Впервые проявив заинтересованность, спросила Люй у подруги.

Тут Сунь, видя, что её рассказом наконец-то всерьёз заинтересовалась любимая подруга, допустила непростительную оплошность, брякнув:

– Ну конечно есть. Он короткий, но как сказал Лу, обладает убойной силой, так что лучше его не то что вслух, но даже и про себя дозированно читать.

– Как стихотворение-то называется? – Полюбопытствовала Люй.

– Ты что – дура? – Брови Сунь поползли вверх. – Ты меня просишь вслух произнести название стихотворения, которое и про себя-то лучше не произносить, а уж тем более не

читать полностью? Мне Лу Ян сказал, что в последний раз вслух название стиха случайно произнесли в 1968 г. в Гонконге, а примерно в первой трети XIV века какой-то зловредный идиот догадался прочесть весь стих вслух!

– И что?

– И ничего! – Чуть не завопила Сунь. – Историю в школе проходила? Про «чёрную смерть» слышала? А про гонконгский грипп? Все эти бедствия от произнесения вслух слов из этого стиха пошли!

– Я тебе не верю! – Вызывающе сказала Люй. – Давай проверим!

– Нет, нет и ещё раз нет! – В ужасе отшатнулась Сунь от подруги.

– Ну-ка, дай! – Озорно воскликнула Люй и, не дожидаясь, пока Сунь отдаст ей тетрадь, с силой рванула её из рук подруги. Не успела обиженная грубым обращением Сунь открыть рот, как Люй уже начала читать «смертельные стихи»:

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, где тут «Пионерка»? А, вот:

«Воздух воспаленный,

Черная трава.

Почему от зноя

Ноет голова?

Почему теснится

В подъязычье стон?»

– У-у-у-у, как страшно! – Громогласно воскликнула Люй, театрально откидывая голову назад.

Сунь явно не ожидала такой подлости от подруги, поэтому, не успев отобрать у неё тетрадь обратно, она только зазмурила глаза и заткнула уши, чтобы не слышать ужасные строчки. Она лишь шептала, глотая слёзы:

– Что ты делаешь? Перестань, перестань сейчас же!

Люй тем временем, упиваясь обрётённой властью над подругой, продолжала листать тетрадку:

– Та-ак, а где тут у нас «Ад Мисико»? О, вот! Итак, внимание – «Ад Томино». Слушайте все! – Проорала Люй и принялась читать:

«Старшую сестру рвёт кровью,

Младшая сестра плюётся огнём,

Милая Томино плюётся драгоценностями.

Томино умерла в одиночестве и брошена в ад,

Ад, тьма, без малейшего цвета...»

– О-о-о, какая жуть! Ха-ха-ха! – Глумливо засмеялась Люй.

Сунь, видя, что подруга не собирается прекращать представление, предприняла слабую попытку вырвать тетрадь у неё из рук, но та, хохоча, отбежала от подруги и принялась искать китайское стихотворение.

К тому времени, как Сунь нагнала её со словами: «Чёртова уханьская девчонка», Люй уже успела добраться до китайского стихотворения и принялась громогласно зачитывать его перед лавкой продавщицы морепродуктами.

Шёл ноябрь 2019 г.

Использованы отрывки из стихов Э.Г. Багрицкого «Смерть пионерки» и С. Ясо «Ад Томино».

Из серии «Несколько дзенских притч Таниндзабуро Котэ»

Болван

Один монах ужасно боялся гнева своего наставника Буцуки, отличавшегося суровым нравом. Действительно, Буцуки, когда ученики неправильно, по его мнению, отвечали на вопрос, лупил их по голове своим посохом. Именно поэтому ученик, каждый раз, когда Буцуки обращал к нему свой вопрос, старался отвечать в духе дзен.

Так, например, когда Буцуки, увидев спешащего на кухню ученика, спросил у него: «Ты не на кухню отправляешься ли?»; тот ответил: «Луна заходит за склон Исидзути в ночь накануне начала праздника Бон».

Получив несколько раз подобные ответы на, казалось бы, вполне простые и не подразумевающие каких-либо дзенских глубин вопросы, наставник лишь удивлённо поднимал вверх брови, но впоследствии это начало его раздражать и, выслушав подобный ответ ученика (например, «Чу! Слышите, как улитка ползёт по слону Фудзи?») или «Тихо в лесу Аокигахара, только барсук Тануки не дремлет»), он кричал ему вдогонку: «Болван!» или «Идиот!».

Полагая, что учитель доволен ответом, монах разворачивался и, кланяясь, радостно кричал наставнику: «Спасибо, сэнсэй!».

В конце концов Буцуки настолько осерчал на бестолкового монаха, который не мог ответить на элементарные вопро-

сы, наподобие: «Какая нынче погода?» или «Что у нас сегодня на ужин?»; что изловчился и ударил посохом тому по голове.

Монах, воскликнув: «Ха!»; направился к побережью реки Сандзунокавы².

Комментарий Котэ: Хочешь ли ты понравиться наставнику или не хочешь, ты всё равно получишь посохом по голове, продолжив бесконечную череду перерождений, и дзен тут не поможет. Я лично не верю, что в данном случае монах сказал «Ха!», достигнув сатори.

² Река Сандзунокава – река, к которой стекаются души мертвецов. Через реку перекинут мостик, по которому души эти должны пройти, чтобы попасть в загробный мир. Реку зачастую сравнивают с древнегреческим Стиксом. «Ха!» – восклицание в момент достижения просветления.

Каверзный вопрос

В монастыре Тандзин-дзи зрел бунт. В один из дней после утренней трапезы, отделившись от кучки шушукающих монахов, к наставнику Райтону подошёл монах Рюкусай и спросил:

– Мудрейший, братья задаются вопросом, а не легче ли все интересующие вопросы, касающиеся Дхармы, прояснять в поисковике, например в «гугле», без риска получить оплеуху или удар посохом по голове?

Наставник в мгновение ока поднял палку, на которую опирался, и обрушил удар на голову Рюкусаю, от которого слёзы брызнули из глаз монаха.

Волнения в монастыре утихли, ибо достигший просветления монах поведал братьям: «Из ответа наставника я понял, что достигнуть просветления возможно только получив определённое количество ударов посохом по голове».

Умные вопросы

Орокана Шицумон утверждал, что, задавая себе 5 вопросов «Зачем?», можно добраться до сути вещей.

Он, в частности, озадачивал честолюбцев, с лёгкостью наглядно доказывая им, что все их потуги бессмысленны.

Так, Орокана предложил одному хозяину чайного домика, расположенного в весёлом квартале «Ёсивара», по прозвищу Химо сообщить о своём самом сокровенном желании.

Химо, задумчиво покрутив пальцами кончик своей заострённой бородки, поведал Орокане, что, несмотря на изобилие у него железных колесниц, самым сокровенным его желанием является приобретение новой железной колесницы, произведённой либо в Тоёте, либо в Йокогаме.

– Хорошо же. – Сказал Орокана Шицумон. – Зачем ты хочешь приобрести новую железную колесницу?

– Я хочу всех поразить. – Ответил Химо.

– Зачем?

– Хочу, чтобы на меня все обращали внимание.

– Зачем? – Последовал вопрос Шицумона. – Только честно.

– Ну-у, я чувствую себя неуверенно. – Сказал Химо.

– Зачем тебе чувствовать себя уверенно?

– Неуверенность создаёт у меня чувство дискомфорта.

– Зачем устранять чувство дискомфорта таким дорогим

способом? – Спросил тогда Шицумон. – Ты думаешь, если у тебя не будет денег, которые уедут у тебя на железную колесницу, ты будешь чувствовать себя комфортно?

Химо впал в тяжкие раздумья.

Доходчивое объяснение

Князь Асахи Бирува любил посвящать свой досуг не праздным развлечениям, но занятиям, достойным восхищения и полезным для души. Каждый месяц он приглашал настоятелей храмов и учёных монахов для разъяснения ему принципов Дхармы.

К его великому сожалению, настоятель храма Хэй-дзи Канкэцу, который разъяснял ему сложные моменты в сутрах, отправился в паломничество к Пику Грифов, что находится в Стране Небесной Обители.

Прослышал он, что очень толково разъясняет сутры монах по имени Нанкай и решил пригласить его в свой дворец, чтобы попросить его разъяснить некоторые положения «Алмазной сутры».

Явившись во дворец, Нанкай уселся за стол и достал из своей дорожной сумы длинные свитки толкований и комментариев к «Ваджраччхеддике Праджняпарамите сутре». Разложив в одном ему известном порядке свитки, он спросил у князя Асахи:

– Наслышан я, князь, что до меня вам разъяснял тонкости «Алмазной сутры» настоятель Канкэцу. До какого места в сутре вы добрались?

– Э-э-э. – Князь беспомощно оглянулся по сторонам, переводя взгляд с монаха на собравшихся вокруг, пока самый

смышленный из служек не воскликнул: «О мудрейший! По моему, мы прошли абзац, начинающийся так: «Будда сказал Субхути: «Через пять сотен лет после ухода Так Приходящего появятся люди, придерживающиеся благих обетов...»».

Монах пошелестел свитками и, найдя интересовавший его абзац, спросил у Асахи:

– И вам всё понятно?

Князь вновь оглянулся на окружавших его членов семьи и прислужников:

– Ну-у да-а... Конечно.

– Значит, нам следует продолжать со следующих слов: «Субхути, как ты думаешь, достиг ли Так Приходящий аннута- самьяк самбодхи и проповедовал ли Так Приходящий какую-нибудь Дхарму?»».

Князь радостно закивал головой, предвкушая доходчивое объяснение сложного места «Алмазной сутры»:

– Да, да! Объясняйте уже!

– Что ж. – Начал Нанкай. – Субхути сказал: «Если я уяснил смысл проповеданного Буддой, то нет никакой установленной дхармы, которая называлась бы «аннута- самьяк самбодхи» и также нет никакой установленной Дхармы, которую мог бы проповедовать Так Приходящий. Ту Дхарму, которую проповедовал Так Приходящий, нельзя взять, нельзя проповедовать. Она не есть ни Дхарма, ни не-Дхарма. И почему это так? Все мудрые личности разнятся от всех прочих тем, что опираются на недеятельные дхармы».

Монах прокашлялся, пошуршал свитками, перекладывая их, и продолжил:

– Исходя из толкований, данных мудрецами древности, Субхути в данном случае показывает свое понимание того, что Буцу Готама не проповедует какого-либо мировоззрения или какую бы то ни было картину мира. В том, что проповедует Сакиа-Муни, нет ничего, что могло бы иметь ум в качестве своей основы, сути, так сказать.

Асанги или же младший брат его, Васубандху, размышлял по поводу сутры и, в частности, по поводу рассматриваемого нами места сутры следующим образом: Дхармы не имеют сущностной природы.

Другие же мудрецы...

Тут Асахи сделал нетерпеливый жест и спросил у Нанкая:

– Стоп-стоп-стоп! Простите, милейший, а как же удары посохом по столу? Их не будет?

Нанкай, оторвавшись от манускриптов, сказал задумчиво:

– Нет, Асахи-сан, ударов посохом не планируется.

– И что, даже ударов кулаком, хлопков ладонями, разбрасывания свитков и тому подобного не планируется?

– Нет, князь, ничего такого я не собирался делать. – Озадаченно ответил монах.

Князь растеряно обвёл глазами присутствующих и спросил:

– А что же тогда будет?

– Вы позвали меня к себе, чтобы я разъяснил явный и

скрытый смысл «Алмазной сутры». Вот я и...

Тут внезапно взвыла маленькая дочка Асахи – Мико:

– Папа, я хочу, чтобы дядя стукнул посохо-о-ом!

Асахи перевёл вопрошающий взор на Нанкаю и увидев, что монах сидит, склонившись над одним из многочисленных свитков, которыми он себя окружил, и не намеревается предпринимать каких-либо активных действий, спросил:

– Ну что же вы, любезнейший? Видите, ребёнок на грани слёз? Вы что, не собираетесь ничего делать?

Монах, помешкав немного, произнёс:

– Видите ли, князь, я пришёл разъяснить вам суть учения, а не выполнять капризы вашей дочери.

– Э-э, уважаемый. – Обратился тогда Асахи к монаху. – А вы, собственно, какую школу представляете? Вы что, не относитесь к дзенской школе?

– Не отношусь. – Ответил монах. – Я, знаете ли, отношусь к школе тэндай-сю.

– Милейший, – князь очнулся от растерянности взял себя в руки, – знаете что? Спасибо вам, конечно, но нам уже достаточно ваших разъяснений.

Когда монах скрылся в смятении за воротами дворца, Асахи обратился к находившимся с ним во дворе:

– Нет, лучше дождёмся Канкэцу. Этот Нанкай меня только больше запутал. Вот Канкэцу – как шарахнет посохом по столу, так, вроде, сразу всё проясняется: что трипитака³, что

³ Имеется в виду палийский канон.

палийский канон⁴; а то «Ум сути Будды, Будда сути ума, бх-акти-практи, самбодхи to love». Чёрт-те что!

⁴ Имеется в виду трипитака.

Отражение

Монах подошёл к наставнику и спросил:

– Что есть отражение Кинкаку-дзи на ровной глади озера Кёкоти?

1 вариант.

Наставник ответил:

– Это отражение Кинкаку-дзи на ровной глади озера Кёкоти.

2 вариант.

Наставник ответил:

– Это не отражение Кинкаку-дзи на ровной глади озера Кёкоти.

3 вариант.

Наставник ответил:

– Это разум Будды.

4 вариант.

Наставник ответил:

– Это не разум Будды.

5 вариант.

Наставник ответил:

– Это вечное.

6 вариант.

Наставник ответил:

– Это преходящее.

7 вариант.

Наставник произнёс:

– Ты недостаточно усердно медитируешь.

8 вариант.

Наставник спросил:

– Что сегодня на ужин?

9 вариант.

Наставник достал из складок одежды флейту и извлёк одну ноту.

10 вариант.

Наставник ответил:

– Дохлая саранча.

11 вариант.

Наставник ответил:

– Чепуха.

12 вариант.

Наставник промолчал, не обратив на ученика ни малейшего внимания.

13 вариант.

Наставник улыбнулся.

14 вариант.

Наставник ударил ученика посохом по голове.

15 вариант.

Наставник ударил ученика посохом по ноге.

16 вариант.

Наставник ударил ученика посохом по руке.

Комментарий Котэ: любой из вариантов ответа является правильным и одновременно может быть раскритикован как попытка наставника продать гнилую рыбку требуху подороже.

Фиолетовые слоны бегут на север

Монах Хито Йоцу, завидев собравшихся в монастырском дворике собратьев, подошёл к ним и обратился со следующей речью:

– О высокочтимые монахи, наставник вчера от души отходил меня своим посохом по лопаткам. Теперь моя спина болит невероятно, не могли бы вы посмотреть, что у меня такое и не слишком ли обширны следы от ударов?

Дзёцо Гайкан, смотря поверх головы Хито, молвил:

– С южного берега Тюдзенцзи открывается прекрасный вид на вершину Нантай.

Мэйсо Тэки сказал задумчиво, глядя вдаль:

– У черепахи настоятеля на макушке пробились тоненькие волосы.

Сэки Токанава же пробормотал, смотря на плавающую в небольшом монастырском пруду водяную лилию:

– Подобно жизни кувшинки скоротечна и наша жизнь. Поторопись!

Хито Йоцу, проявляя признаки нетерпения, воскликнул:

– Ребята! Я всё понимаю, фиолетовые слоны бегут на север, но у меня спина нешуточно болит. Будьте добры, посмотрите, что у меня там!

Дзёцо Гайкан, переведя взгляд свой на ближайшую криптомерию, сказал мечтательно:

– При посещении храма Рюдзо-дзи можно услышать далёкий грохот океанского прибоя.

Мэйсо Тэки, не обращая ни малейшего внимания на маячившего перед его носом Хито, изрёк:

– Ицубэру Масумоцу панически боялся коршунов.

Сэки Токанава, не сводя глаз с цветка «розового фарфора» в пруду, произнёс с видом знатока:

– Лето второго года эры Дзинго-кэйун в провинции Нагато выдалось дождливым.

Поняв, что помощи от монахов он не дожждётся, Хито Йоцу убежал, раздосадованно махнув рукой.

Комментарий Котэ: Собратья наглядно показали Хито, что он слишком привязан к сиюминутному. Мне, в связи с этим вспоминается история отличавшегося своей уравновешенностью настоятеля храма Тэнко-дзи, Соэна, являвшегося прямой противоположностью Хито, столь зависимого от пустотности.

Так, когда во время процедуры омовения, монах Ё Миё по ошибке стал обливать настоятеля кипятком вместо прохладной воды, тот, сохраняя величавое спокойствие, обратился к монаху со следующей речью: «Послушайте, милейший Ё Миё! Не могли бы вы... ради Будды Амиды, не лить мне кипятком на голову?». Пока он произносил эту тираду, кипяток в ковшике монаха закончился.

Палец

Когда у учителя Накаюби спрашивали о чём-нибудь, начиная с того, не желает ли он трапезничать, и заканчивая предложением разъяснить трудные моменты Учения, в ответ он неизменно поднимал кверху один палец, причём средний.

Комментарий Котэ: Грубовато, но в целом по сути.

Умный ученик

Мэцумото Цумэтомо приехал издалека к своему приятелю – наставнику храма Исюдзу Накотэми Миядзуки, чтобы свидеться с ним, пообщаться на темы передачи Дхармы, испить чашу-другую веселящего чая.

Двери храма открыл молодой монах, окинувший Цумэтомо печальным взором с ног до головы.

– Дома ли твой учитель? – Спросил Мэцумото Цумэтомо.

– Да, дома, но он никого не желает видеть. – Ответил ученик Миядзуки.

– Вы глубоко проникли в его мысли, юноша.

– Не исключено. – Молвил ученик. – Однако это не имеет значения. Даже если бы сюда явился сам Будда, мой учитель вряд ли захотел бы его увидеть.

– Ты хороший ученик и твой учитель наверняка может гордиться тобой. – Сказал Цумэтомо и ушёл, а ученик печально вздохнул и, вернувшись в храм, продолжил обряд омовения тела своего почившего учителя.

Отсутствие ума

Монах Шибэцу обратился к своим собратьям с гневной речью:

– Братья мои! Побывав не так давно в Киото, я услышал от одного горожанина насмешливую речь о том, что, мол, мы, монахи, работаем в поте лица, медитируя, чтобы достигнуть состояния «отсутствия ума». Между тем, сказал он мне, с развитием техники, достигнуть такого состояния стало элементарно просто: достаточно включить телевизор или компьютер и уставиться в экран. Можно также включить музыку, желательно погромче, и, пытаясь перекрыть её звуки, общаться с друзьями или женой или ездить по улицам в своей машине под её оглушительный рёв.

И вот я спрашиваю у вас, братья: зная истину о столь простом достижении «отсутствия ума», сможете ли вы продолжать обучение?

Комментарий Котэ: Похоже, состояние «отсутствия ума» распространяется подобно смертоносному вирусу. У монаха развилось состояние «отсутствия ума» именно в том смысле, в котором понимал его горожанин, заразивший его таким состоянием.

Под состоянием «отсутствия ума» следует понимать пробуждение, то есть сатори, а не отсутствие ума.

Суть дзен

Новичок подошёл к мастеру с просьбой разъяснить ему суть дзен.

Мастер, начертав посохом в промежутке между собой и монахом единственную черту на песке, бросил посох оземь и удалился, оставив озадаченного монаха в одиночестве.

Комментарий Таниндзабуро Котэ: Никто не смог бы объяснить суть дзен доходчивей. Проведя линию между собой, он обозначил разницу между наставничеством и послушанием, а также недвусмысленно дал понять, что линия – горизонтальная.

Такой прямой линией обозначается единица. Это фундаментальный, основной символ.

Прямая линия – линия земной поверхности, линия горизонта, где смыкаются земля и небо.

Прямая линия также означает гладкую, ничем не возмущённую водную поверхность. По аналогии под прямой линией следует понимать уравновешенное, ничем не замутнённое сознание.

Прямая линия – символ пассивного, созерцательного мировосприятия.

Прямая линия – символ пути, включающий его начало и конец.

Сострадание

Монах Карю Накоси обратился к своему учителю Окюйями со следующим вопросом:

– О мудрейший, слышал я, что один наставник из Страны утренней свежести сказал такие слова:

Как вам не нравится вид извивающихся насекомых,

Так и святые испытывают неприязнь к тем,

Кто не может отличить загрязнённость от чистоты⁵.

Что это может значить? Прошу вас, разъясните мне, несведущему.

Окюйями в ответ усмехнулся и произнёс следующую тираду:

– Разве может быть святым тот, кто испытывает неприязнь? – Ибо не с презрением, но с состраданием надлежит относиться не только к не умеющим отличить загрязнённость от чистоты, погрязшим в своих желаниях, но также и ко всему живому.

Родился в этом мире ребёнок – соболезнуй ему, ибо через жизнь, полную страхов и страданий предстоит ему пройти. Жизнь его – это переплетение и взаимное проникновение страданий и страхов, страхов и страданий.

Страхами его жизнь наполнится, когда к нему придёт со-

⁵ Корейский мастер сон (дзен)-буддизма Вон Хё. Вдохновение в практику.

знание конечности жизни людской. Так, страшиться он будет и за себя, и за своё окружение, и каждодневные известия о гибели от войн и насилия, голода и катастроф будут напоминать ему и укоренять его в ужасе перед лицом неизбежного.

Соболезнуй ему, ибо если это мальчик, то, вступив в возраст, который природа предназначила ему стать временем, когда он становится способен к продолжению рода, обречён он на извечную маету от похоти своей, не дающую покоя ни днём, ни ночью, обрекающую его не только на совершение безумных действий, но и зачастую приводящую к гибели.

Если же это девочка, то ещё большего сострадания заслуживает дитя, ибо вступление в пору цветения означает для существа женского пола необходимость отваживать похотливцев, выбирать достойнейшего для продолжения рода, да притом не ошибиться, мучиться, вынашивая и рожая детей, в общем, претерпевать все те ужасы, которым подвержена женщина в связи с принадлежностью к своему полу.

Для обоих полов бедность и лишения, и связанные с ними вечные мысли о прокорме себя и своих детей – страшнейшие бедствия, поэтому вечный страх утратить хотя бы и нищенский заработок, страх болезней и бедствий, влекущих разорение семьи, преследуют бедняков всю их жизнь, поэтому сострадай им, соболезнуй им и уповай на их спасение.

Богатство же, хотя оно и избавляет от страха голодной смерти и позволяет не замечать множество проблем, становящимися непреодолимыми препятствиями на пути бедня-

ков, однако же зачастую служит основанием для страха за свою жизнь, ибо немало находится людей, охочих до чужого богатства, да и просто завистников.

Итак, если бедняк жаждет богатство приобрести и жизнь его превращается в бесконечную гонку за звонкой монетой, то главная задача богача – это богатство не растерять и, по возможности, приумножить, и жизнь его тоже превращается в бесконечную гонку за звонкой монетой.

Далее, генная память, доставшаяся человеку от предков, живших постоянно впроголодь, превратившаяся в своего рода инстинкт, заставляет человека при достижении определённого уровня благосостояния жрать, жрать бесконечно, пухнуть от жира, лезущего из глаз, из ушей, из ноздрей, трахать бездумно на гурманские излишества целые состояния, на которые можно было бы прокормить в течение двух месяцев горную провинцию То-сандо.

Инстинкт обжорства превалирует и над инстинктом размножения, и над инстинктом самосохранения и превращает постепенно и без того-то далёкое от совершенства человеческое тело во всё более и более уродливую бесформенную массу, ведёт, в конце концов, к гибели его носителя.

Так, между желанием и удовлетворением его, не приносящим ожидаемой радости, проходит жизнь людская, и над всем этим довлеет неотвратимая старость, с её немощью и болезнями, и смерть.

Сострадай им и вознеси молитвы за их спасение. Зача-

стую ведь не по злему умыслу своему не стремятся они найти Путь, просто не знают они о нём. Так сострадай же им.

Заслуживает также сострадания и понимания, но отнюдь не презрения, и тот, кто знает о Пути, но страшится вступить на него, поскольку и труден этот Путь, и долог, и вступление на него не означает достижения даже середины его, не говоря уж и о достижении состояния просветлённого.

Настоятель, словно очнувшись, поднял голову и проводил взглядом пролетевшую над монастырскими воротами пустельгу, а затем продолжил:

– Вот и я тебе сейчас толкую о том, что целью Пути является просветление, а откуда нам вообще известно, что такое достижимо, откуда нам известно о том, что, уходя, просветлённый погружается в нирвану, откуда нам известно, что дзен не является величайшим надувательством, а?

Карю Накоси остолбенело уставился на учителя с немым вопрошанием во взоре.

Окюйями вновь усмехнулся:

– Иди, медитируй, болван, а то как бы и тебе не дожидаться моих соблезнований.

Конец серии «Несколько дзенских притч...»

Ятай

Не так давно, копаясь в обширной библиотеке своего прадеда – малоизвестного, к моему сожалению, учёного-востоковеда М.П. Гаолянова, я обнаружил прелюбопытную книжицу, выпущенную в 1915 г. Петербургской типографией «Иванов Ф.П. с сотоварищами на паях» ничтожно малым тиражом – всего 50 экземпляров.

Первое, что обратило на себя внимание – это название, представлявшее собой дикую смесь наименований государств, географически находящихся на Дальнем Востоке – кромке гигантской водной пустыни, именуемой по какому-то глупому недоразумению Тихим океаном.

Итак, название книги было «Ятай Ковъет» и принадлежало перу совершенно неизвестного мне автора, творившего под псевдонимом В. Востоковедский. Судя по тому, что в открытых источниках отсутствует какая-либо информация о таком авторе научных трудов, нельзя исключить, что под данным псевдонимом работала группа учёных: географов, океанографов, геологов, антропологов, лингвистов, буддологов и ряда иных.

Посмеявшись вдоволь над названием книги, я решил, ради шутки, открыть её наугад, чтобы, убедившись в её малоценном содержимом, отправить обратно на полку прадедовой библиотеки. Однако, вопреки ожиданиям, книга мне

показалась заслуживающей внимания, поскольку в ней со всей строгостью изложения научного материала сообщалось о том, что в той части планеты, которая находится несколько дальше Восточной окраины евразийского материка, существовал некогда архипелаг, состоявший из мириад островов самых разнообразных размеров: от небольших скал, возвышающихся на пару метров над уровнем воды, до гигантских платформ, размерами своими равными островам Корфу или Доминика.

Из кропотливо собранного по крохам материала, объединенного под обложкой данной книги, недвусмысленно следовало, что речь в ней ведётся о, можно смело сказать, тихоокеанской Атлантиде. Так же как и в случае с Атлантидой можно строить лишь гипотезы, одна неправдоподобней другой, о местонахождении и причине гибели архипелага.

При прочтении книжицы меня ни на миг не покидало ощущение, что передо мной плод грандиозной мистификации, интеллектуального развлечения, предназначенного для тех немногих пятидесяти, которым предназначался её тираж. Уж больно расплывчаты и неопределённы сведения, касающиеся архипелага, начиная от его географического положения и заканчивая интеллектуальной жизнью его населения.

Сомнения мои подкреплялись тем, что ни в одном из открытых источников мне не удалось найти какого бы то ни было упоминания о «Ятай Ковьет» (давайте я буду для удобства

называть исчезнувший архипелаг просто «Ятай», тем более, что мне, по-видимому, принадлежит звание первооткрывателя книги в XXI веке).

Почему упоминания об архипелаге нет ни в одном ином источнике, будь то российский, европейский, американский или же какой-либо ещё? – Вопрос этот не давал мне покоя в течение всего периода работы над книгой, то есть вдумчивого её прочтения.

Разумеется, впоследствии я догадался, что книга попросту осталась незамеченной в силу ряда причин. Во-первых, вышла она в свет в то время, когда научному сообществу Российской империи, да и Европы, по большому счёту было не до изысканий. Я не исключаю, что злой рок преследовал книгу и в дальнейшем – она, как я успел понять, не предназначалась для направления в хоть сколько-нибудь крупные библиотеки и осела в частных книгособраниях российской интеллектуальной элиты. Что случилось с российской интеллектуальной элитой напоминать, думаю, не требуется.

Таким образом, не исключено, что тоненькая книжица, обнаруженная мной в библиотеке прапрадеда, осталась в единственном и последнем экземпляре.

Я не исключаю, конечно же, что информация, приведённая в книге, может соответствовать действительности, тем более что при изучении физической карты пространства Тихого океана к востоку и юго-востоку от Японии можно различить гигантское множество подводных хребтов и вершин.

В частности, в книге гибель Ятая объясняется вулканической активностью на островах архипелага, однако тут же эта гипотеза отвергается, поскольку у автора разрушительная вулканическая деятельность одновременно на всех островах Ятая вызывает сомнения. Затем автор выдвигает версию о возможности исчезновения государства в результате некой сейсмической активности, при этом он не вдаётся в какую бы то ни было конкретику.

Действительно, после извержения вулканов, основания которых покоятся на океанском ложе, кольца их жерл обычно остаются на поверхности, образуя атоллы, или нечто подобное острову Санторини, находящемуся в Ионическом море. В данном же случае от островов Ятая вообще ничего не осталось.

Вполне поддаётся объяснению с точки зрения теории движения литосферных плит (о которой в 1915 г. могли только догадываться), что в результате смещения тихоокеанской литосферной плиты и погружения (субдукции) её края под край евразийской плиты, неизведанный архипелаг мог оказаться под водой.

Опять же, такая глобальная субдукция, в результате которой целый архипелаг, если можно так выразиться, словно сквозь землю провалился, – явление, как мне кажется, весьма и весьма маловероятное, хотя я, говоря по чести, слабо разбираюсь в естественных науках, поэтому мои суждения носят явно дилетантский характер.

Каких-либо сведений о столь глобальной катастрофе, произошедшей в древние времена, в письменных источниках, кроме достаточно сомнительного, что приведён в описываемой книге, не имеется.

Впрочем, что мы можем знать о древности (как, в общем-то, и о годах не столь давно минувших, и о нынешнем времени) ? Мы, почерпнув своё знание о том или ином явлении из нескольких источников, полагаем таковое за истинное. Между тем, можем ли мы знать с достоверностью, что авторы свидетельств не являлись лжецами или не действовали, добросовестно заблуждаясь?

Можно предположить, что просто некая горстка людей, почитающая себя так называемыми специалистами и потому полагающая себя вправе давать советы и указания другим, договорилась принять тот или иной факт установленным и не подлежащим сомнению.

Обратимся к самой книге. Здесь я привожу реферативное изложение основных результатов исследования, предпринятого В. Востоковедским. Я умышленно не стал воспроизводить полный текст книги или пытаться пропихнуть в каком-нибудь издательстве идею репринта книги, ибо сам по себе текст книги написан достаточно сложным и сухим научным языком, он изобилует гигантским количеством сносок, затрудняющим адекватное восприятие основной идеи книги.

Кроме того, в тексте в неисчислимом множестве имеют-

ся намёки и аллегории, призванные, по всей видимости, породить длинные ассоциативные ряды у интеллектуалов-востоковедов, вызывая у них улыбку или гнев, однако не способные, как мне кажется, вызвать хоть сколь-нибудь значительные шевеления души у читателя, не слишком глубоко осведомлённого в обширной сфере востоковедения.

Во введении поясняется этимология названия страны. Ятай ковьет является лишь условным наименованием страны, вмещающим в себя идею того, что некогда существовавшее государство восприняло культуры Китая, Японии, Кореи и Вьетнама, а также общую для всех этих стран концепцию дзен (чань, сон, тьен).

Необходимо подчеркнуть условность такого наименования, поскольку оно состоит из частей названий государств, существующих в настоящее время, название которых считается устоявшимся.

Дело в том, что, например, в период времени, относящийся к первому упоминанию островного государства в письменных источниках, то есть II век н.э., Китай являлся империей Хань и имел несколько иную по площади и границам своим территорию, Намвьет был разделён на три территории, а Корея даже не стала ещё тремя корейскими государствами.

Самоназвание Ятая можно назвать достаточно стандартным для Восточной Азии – «Поднебесная». Имеются также

сведения и о названиях, встречающихся в письменных источниках, происхождение которых приписывается Ятаю, «Островное королевство», «Земли в бескрайнем море». О том, как Ятай называли ближайшие соседи, мы расскажем позже.

Как явствует из раздела I книги («Географическое положение, рельеф и климат»), сведения об архипелаге следуют из незначительного числа письменных источников, обнаруженных в библиотеках и частных собраниях свитков и книг Кореи, Китая, Японии и Вьетнама. Правда, из этих источников удалось почерпнуть минимум сведений, поскольку они в основной массе своей являются настолько древними, что буквально рассыпаются в руках при попытке их прочтения.

Достоверно установить точное местонахождение архипелага до настоящего времени не удалось. По свидетельству японского мореплавателя Ичи Нисана, которое содержится в свитке «Путешествия по Восточному морю», обнаруженным автором в библиотеке Киото, до Ятая, который японцами назывался «окраинная земля», необходимо преодолеть путь в пять ночей по бушующему океану, имея синюю бездну под килем.

Как следует из запечатлённых на тростниковой бумаге слов корейского путешественника Хан Дуль Се, ссылка на которого имеется в сборнике заметок «Поиски приключений за пределами Корё», обнаруженном в частном собрании

книг и свитков в г. Тоннэ (Пусан), для того, чтобы добраться до Ятая, потребуется уже семь отрезков крошечной тьмы (имеются в виду, очевидно, семь ночей) в беснующемся море.

Схожи также и свидетельства вьетнамского (страны, находившейся под ханьским владычеством) и китайского (ханьского) путешественников о том, что для достижения Ятая необходимо преодолеть беснующийся океан (море). Здесь, разумеется, возникает вопрос, почему до архипелага обязательно следовать по бушующей водной глади, ведь более логично было бы избрать для путешествия время, когда синезелёный гигант, то есть океан, дремлет?

Нам представляется, что нельзя сбрасывать со счетов гипотезу о названии среди древних народов, населявших Восточную Азию, Тихого океана вместе с морями, входящими в его акваторию (Восточно- и Южно-Китайские моря, Филиппинское море) «Бушующим морем».

Следует заметить, что среди указанных народов острова исчезнувшего архипелага именовались либо «Окраинная земля», либо «Страна к востоку от Востока», либо «Острова в Восточном море», либо «Крайний Восток», либо же «Острова, расположенные за гладью моря».

Впрочем, мы отвлеклись от обсуждения вопроса о предполагаемом месте нахождения архипелага.

Судя по времени, требующемуся для достижения водным путём островов Окраинной земли от Японии (примем этот

интервал, отбросив поэтические метафоры путешественников, за пять суток), от Кореи (семь суток), от устья Янцзы (девять, по некоторым источникам – одиннадцать суток) и от территории нынешнего Вьетнама (пятнадцать, но по данным некоторых источников – до двадцати трёх), можно предположить, что Ятай находился в относительной близости к Стране восходящего солнца.

Вместе с тем, это явно были не острова Идзу (цепь островов в открытом океане, протянувшаяся на расстоянии от 100 до 350 км к югу от Эдо {Токио}), не острова Бонин (иное название – Огасавара. Это острова, расположенные южнее и восточней островов Идзу – ближе к Марианским островам) и не Марианские острова (расположенные ещё южнее), ибо из обнаруженных источников всё же следуют сведения о полной и безоговорочной гибели цивилизации «Островов в Восточном море».

В пользу этого говорит и отсутствие на японских и микронезийских островах, расположенных в «Восточном море», то есть в Тихом океане, археологических находок, которые обоснованно можно было бы отнести к цивилизации Страны Крайнего Востока и, соответственно, вынести достоверное суждение о проживании на них представителей погибшей цивилизации.

Таким образом, остаётся предположить, что наиболее близкой к истине является гипотеза о расположении архипелага, которому посвящено наше исследование, примерно

в тысяче километров к востоку (юго-востоку) от гигантской расселины в Тихом океане, называемой Японским жёлобом, обнаруженной в ходе исследований океанского дна, предпринятой американцами на корвете «Тускарора» в 70-х годах XIX столетия.

Данным выводам несколько противоречит высказывание японца Ф. Кюраима, относящееся примерно к VII веку, звучащее примерно следующим образом: «если забраться на вершину Фудзи, то в ясную погоду можно увидеть снега Юми-но Такайямы⁶».

Представляется, что данное высказывание можно отнести к некоего рода поэтическим гиперболам. Мы приходим к таким выводам, поскольку даже если предположить, что гора, условно называемая на японский лад Юми-но Такайямой, расположенная, по всей видимости, на описываемом нами архипелаге, по высоте своей была сравнима с Фудзиямой (3 776 м), то при абсолютно прозрачном воздухе её вершину можно было бы увидеть, находясь она на расстоянии не более 450 км от Фудзиямы.

Вместе с тем, как мы ранее указывали, из записей путешественников следует, что от Японии путь до Островов Крайнего Востока составлял как минимум 5 суток. Путь же в 450 км хороший (имеется в виду большой и быстроходный) корабль в те времена, судя по историческим свидетельствам, мог преодолеть менее, чем за двое суток.

⁶ Большая гора в море (яп.)

О наличии на архипелаге гор, острых как клыки драконов из древних легенд, и озёр прохладной чистой воды мы можем судить по их изображениям на шедеврах живописи Ятая и письменным свидетельствам путешественников в Страну Крайнего Востока. Самой высокой точкой условно можно назвать гору, названную японцем Ф. Кюраима Юми-но Такайямой (см. выше), размеры которой оценить вряд ли представляется возможным⁷.

Иных данных о рельефе Ятая в нашем распоряжении нет. Впрочем, имеет ли это значение? Нам достаточно и знания о том, что на архипелаге имелись горы и озёра – ведь нога путешественника никогда не ступит на землю Ятая.

Об особенностях климата Ятая нам тоже остаётся лишь догадываться – не зная точного географического положения островного государства мы не можем с точностью утверждать, был ли он подобен климату Японии, а может и Курил, или же, омываемый водами тёплого течения Куроисио, архипелаг больше схож был своим климатом с Мальдивами или Багамами.

Хотя имеет ли это сколь-нибудь существенное значение? Ведь путешественникам не потребуется брать с собой побольше теплых вещей зимой, но быть готовыми к оттепелям,

⁷ Предположительная оценка высоты горы Юми-но Такайяма в расчёт приниматься не может, поскольку она служила лишь цели опровержения высказывания Ф. Кюраима, поскольку таковое противоречит данным о длительности пути до Ятая, взятым из нескольких различных, независимых друг от друга источников, которые более многочисленны и потому заслуживают большего доверия.

или одеваться легко, но быть готовыми к затяжным дождям.

Разделы II-III «Заселение и население. Письменность»

Не совсем понятно, каким образом и в какой временной промежуток на архипелаге появились люди.

Выдвигается, в частности следующая версия событий глубокой древности. Жители Чжун го (Срединного царства), ныне Китая, достаточно давно освоили морские просторы. Весьма распространены легенды о хождении китайских мореплавателей «за океан» – в страну Фузан, то есть, по всей вероятности, Мексику. Легенды доносят до нас сведения об удачных походах, а сколько походов не было удачными?

Таким образом, нельзя исключать возможность, что потерпевшие кораблекрушение подданные Срединного царства остались проживать на островах в Тихом океане, о которых ведётся речь в настоящем исследовании.

Всё же кажется наиболее вероятной правильность гипотезы о миграции на Восток, далее, во внутренние границы Тихого океана, населения Восточно-азиатских стран, прежде всего проживавшего на территории нынешних Китая и Японии, а также Кореи и Вьетнама.

В пользу теории заселения на архипелаг выходцев из Восточной Азии свидетельствуют немногочисленные имеющиеся графические изображения, создание которых с той или иной степенью достоверности и обоснованности относят к заслугам живописцев Ятая. На них, что несомненно, запе-

чатлены представители обширной азиатской расы с характерным разрезом глаз и уплощённым лицом.

Кроме того, гипотезу подтверждает и тот факт, что народы эти распространили иероглифическую письменность Китая также и в Стране Крайнего Востока (архипелаг Ятай).

Не исключено, что в течение веков жители архипелага создали свою письменность – именно по такому пути пошли народы Корейского полуострова (которые, как известно, создали в середине XV века письмо хангыль), а также Японского архипелага (письменности хирагана и китакана). Причём, если в Корее хангыль полностью заменил китайское иероглифическое письмо, то в Японии собственное письмо используется наряду с китайским.

Вместе с тем имеющиеся у нас в распоряжении письменные источники свидетельствуют о том, что в Ятае пользовались китайским иероглифическим письмом, «не разбавленным» местной письменностью.

На основании исследования дошедших до наших времён текстов, авторство которых предписывается представителям цивилизации островного государства, можно сделать допущение, что китайская иероглифика использовалась при составлении официальных документов, научно-исследовательских трактатов, комментариев к религиозным текстам, кулинарных книг да писем.

Следует, конечно же, оговориться – вовсе не обязательно смысл иероглифа, вкладываемый китайцами, абсолютно

идентичен тому, что вкладывали в него жителями островного государства, о котором мы ведём речь. Основания для сомнения имеются (мы сможем в дальнейшем в этом убедиться), тем более что, например, в японском языке смысловая трансформация китайских иероглифов в сравнении с языком, являющимся родным для этих иероглифов, то есть китайским, составляет по разным оценкам от 15% до 20%.

В то же время имеются данные о существовании своей письменности у островного государства.

Те знаки, которые обнаружены в свитках, место происхождения которых предположительно соотносят со Страной к востоку от Востока, до настоящего времени не поддаются расшифровке, поскольку в имеющихся текстах они не повторяются. Ведь именно цикличность повторения знаков (иероглифов), наряду с иными характеристиками текстов, составленных на древних языках, служит основным ключом к расшифровке таких текстов.

В сравнении с иероглифами Древнего Египта, количество которых превышает 700-800 (если считать иероглифы, используемые в каждую из эпох Та-Уи: Раннее, Древнее, Среднее, Новое царства и множественные переходные периоды), количество знаков островного, если так можно выразиться, письма, как представляется, бесконечно.

Нельзя исключить, что жители Ятая использовали систему так называемого позиционного письма, где одно и то же понятие может обозначаться совершенно разными по форме

знаками в зависимости от их положения в составе предложения, на странице, в тексте и т.д. и т.п.

Не одно поколение учёных билось над разгадкой смысла тех немногих сохранившихся текстов, однако все их усилия потерпели фиаско. Не обнаружено ни одного ключа в виде некоего справочника соотношений знаков ятайского письма с китайскими иероглифами и какой бы то ни было иной системой письменности.

Таким образом, тайна письма, которое, по всей видимости, было разработано островитянами для использования наряду (параллельно) с китайскими иероглифами, погребена под толщей океанской воды.

В письменных источниках Ятая, чудом сохранившихся в библиотеках и частных книжных собраниях стран Восточной Азии, имеется несколько любопытных документов. Не исключено, что данные указы в основании своём имели увлечение правящей династией принципами дзена.

Это, в частности, королевский указ «О пустотности», в котором всем ятайским подданным предписывается «взирать на мир сей, как на пустоту, ибо разрушив привычное понимание себя, поборешь ты и смерть. Владыка смерти не узрит того, кто смотрит так на мир»⁸.

Также не так давно обнаружен и указ «О запрете использования личных местоимений под страхом смерти», в котором указывается, что поскольку в мироздании отсутству-

⁸ Сутта Нипата, ответ Гаутамы на вопрос Могхараджи (строфа 1118).

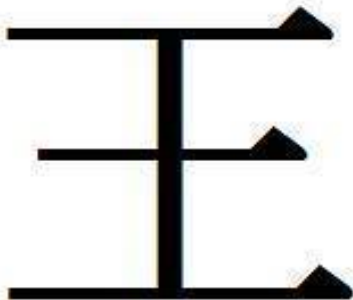
ет какая бы то ни была самостоятельная, независимая сущность, употребление личных местоимений излишне.

Запрещалось не только употребление личного местоимения 1-го лица единственного числа, то есть «я», но и остальных, поскольку, например, «мы» подразумевает в себе несколько «я», а «ты», «Вы», «он (она)», допускает наличие «я» у другого человека

Раз уж мы заговорили о королевских указах, самое время привести собранные воедино разрозненные сведения о форме правления островного «Государства, находящегося за кромкой воды» (раздел IV книги).

Условно можно назвать форму правления Ятая монархией, примерно к VII-VIII векам приобретшей признаки теократической, если можно термин «теократический» распространять на дзенское учение.

Название «король» представляется достаточно условным, высшее должностное лицо Ятая обозначался иероглифом

(«Ван» {кит., вьет., кор.} или «О» {яп.}), что может пониматься как «монарх», «правитель», «король», а если понимать буквально – звено, связующее небо и землю, богов и смертных.

«Культура» (Раздел III^а)⁹.

⁹ В странах Дальнего Востока написание цифры «4» стараются избегать. Тетрафобия получила особое распространение в Китае, Корее и Японии. Дело в том, что китайский иероглиф «сы», обозначающий четвёрку, произносится практически так же как «смерть». Разница только в том, какой тон используется при произношении. Для «четвёрки» это твёрдое «сы», а для «смерти» – мягкое. В японский и корейский языки эти слова пришли из китайского с незначительными

Среди сохранившихся от цивилизации Восточных островов артефактов можно перечислить картину, которая обнаружена в частном собрании шедевров графики, принадлежащем японскому коллекционеру Сибито Атокорекута, который, по его словам, кропотливо, по крохам собирал свою коллекцию по всей Дальневосточной Азии.

Судя по описанию, прилагаемому к шедевру графики Ятая, который поименован как «Прогулка на лодке по озёрной глади», сомнений в её аутентичности возникать не должно.

Содержание картины чем-то напоминает шедевр И. Босха «Корабль дураков» с, можно так выразиться, «восточным уклоном». Так, вместо шлюпки, изображённой на картине нидерландского живописца, на графическом произведении неизвестного художника давно исчезнувшей цивилизации запечатлена лодка с узким корпусом по типу джонки, приподнятыми носом и кормой, а также одной бамбуковой мачтой, несущей свободно болтающийся тростниковый парус.

В центре картины изображена сидящая женщина с высокой причёской, заколотой длинными шпильками, одетая в нечто, напоминающее японскую юкату, играющая на прообразе китайской пипы (бива {яп.}, танбипха {кор.}, тыба

ми изменениями. Во Вьетнаме сходство слов уже намного меньше, имеется лишь отдалённое сходство. Из уважения к традициям Дальнего Востока раздела четыре в книге о Ятае нет.

{вет.}). Судя по её открытому рту, она поёт. Напротив неё, подпевая ей, сидит мужчина в накидке с капюшоном.

На столике, расположенном в центре лодки, стоит блюдо с несколькими плодами сливы или вишни, а также хаотично расставлены стаканы для, по всей видимости, горячительных напитков (для сливового вина «уме» или рисовой водки?). Для охлаждения жидкости, употребляемой участниками увеселительной прогулки, прикреплённая цепочкой к борту джонки бутылка погружена в прохладные воды озера.

С бамбуковой реи на тоненьком шнурке свисает круглая лепёшка и создаётся впечатление, что мужчина и женщина, открыв свои рты, пытаются откусить от этой лепёшки. Хотя такое впечатление может быть обусловлено неумением художника работать с перспективой – нам остаётся об этом только гадать.

Похоже, что джонка следует по озёрной глади без руля и ветрил в неизвестном направлении – участники весёлой компании явно не заботятся о направлении движения лодки. Один из путешественников, на голове которого водружена сбитая набок соломенная шляпа нон, перегнулся через корму – ему явно нездоровится от избытка съеденного и выпитого; другой пытается грести сломанным шестом.

Многие профессионалы долгое время ломают голову над содержанием «Прогулки по озеру». Является ли картина аллюзией на путь островов среди безбрежного океана или же это предчувствие их печальной судьбы? В первом случае ху-

дожник, можно сказать, находился в оппозиции к избранному властями архипелага пути развития, во втором же случае он являлся провидцем.

Немалый интерес исследователей также привлекла картина «Сон гетеры». Название данного шедевра живописи является, конечно же, условным. На картине начертаны китайские иероглифы «сон» и «проститутка» («женщина лёгкого поведения»), поэтому такое наименование верно в случае допущения, что ятайцы вкладывали в эти иероглифы эквивалентное значение.

Итак, на картине изображена девушка в лёгкой накидке, стоящая к зрителю лицом и держащая в правой руке короткий тонкий меч, напоминающий китайский меч цзянь. Рядом с ней в бадье для омовений распростёрто окровавленное бездыханное тело мужчины. Тихая улыбка украшает лицо красавицы, совершившей злодеяние.

Представляется, что загнанная вглубь души несчастной девушки обида на представителей мужского пола за все унижения при осуществлении ей профессиональной деятельности (ибо «нет ничего на свете печальней, чем ремесло гетеры»¹⁰), нашла выход в изображённом на картине сновидении.

Жуткое впечатление производит на зрителя картина «Извержение вулкана на острове Кысо» – создаётся впечатление, что художник непосредственно участвовал в запечатлённых им событиях. На фоне высится огнедышащий вул-

¹⁰ И. Сайкаку. История любовных походов одинокой женщины.

кан, покрытое тучами небо разрезают молнии. В центре картины изображён бездыханный труп молодой женщины, лицо и обнажённая грудь которой представлены на обозрение публики. Рядом ползает ничего не понимающий малец – очевидно это ребёнок трупа, который в ближайшем будущем станет трупом ребёнка трупа.

Взоры бегающих в смятении вокруг несчастной обращены на ужасающее зрелище извержения вулкана. Всё здесь смешалось – кони, люди, как написал кто-то.

В толпе привлекает на себя внимание фигура молодого человека с ящиком, в котором, по всей видимости, находятся кисти для рисования. Не исключено, что неизвестный художник изобразил на картине себя сам.

Полагаем также будут небезынтересны читателю описания ряда иных картин, находящихся в коллекции С. Атоко-рекуты.

Например, на одной из акварелей на плотной бумаге, напоминающей японскую васи, изображён портрет рыжебородого мужчины с измождённым лицом и воспалённым безумием взглядом в соломенной конической шляпе. Как следует из описания, исполненного иероглифами на правом поле картины, она является автопортретом Гхок Вана

戈克金

(

В коллекции японского эстета имеются и достаточно странные картины о шествующих над водной поверхностью индийских слонах на тонких, как спички, ногах с бесчисленными суставами. На спины слонов водружены гигантские четырехгранные обелиски, вершины которых скрыты за облаками, либо растекающиеся, словно расплавленные от жара солнечного излучения, песочные часы.

Такие картины, по признанию С. Атокорекуты больше напоминают паранойяльный бред чьего-то воспалённого воображения. При этом японский коллекционер достаточно точно и остроумно подмечает, что такие картины могли быть вызваны в воображении полётом пчелы вокруг граната за несколько мгновений до пробуждения живописца. С таким романтичным и одновременно ироничным определением причин, побудивших запечатлеть неизвестного ятайско-

го художника настолько странные видения, согласно и большинство японских искусствоведов.

С ними не в полной мере согласны вьетнамские и корейские галеристы, которые утверждают, что создание подобного творения может быть вдохновлено исключительно полётом гигантского японского шершня вокруг только что распустившегося цветка граната за одно мгновение до пробуждения художника.

Китайские эксперты в области искусства предпочитают отмалчиваться по поводу причин, которые побудили живописца нарисовать подобные картины.

Мы обмолвились, что живописец, шедевры которого мы перечислили выше, неизвестен. Действительно, по иероглифам, неизменно встречающимся на картинах художника, по которым, собственно, идентифицировано его авторство, с уверенностью назвать его имя не представляется возможным. Дело в том,

是

что слова «да» () и

吗

«ли» () являются лишь частицами и составить из них имя художника, по глубокому убеждению искусствоведов, не представляется возможным. Достаточно правдоподобным является утверждение, что часть своего имени художник просто опускал, дабы при-

дать себе ореол загадочности.

Мы подробно остановились на шедеврах графики Государства Крайнего Востока среди прочего и по той причине, что цивилизация Ятая не оставила после себя литературных памятников, по крайней мере, поддающихся расшифровке¹¹.

Нельзя, конечно, исключить, что литературный шедевр какого-нибудь ятайского автора пылится на полках библиотек – будучи написан на языке иероглифов, он неотличим от других памятников письменности, распространённых по странам Дальнего Востока.

На наш взгляд отсутствие запечатлённых на письме творений обусловлено не в последнюю очередь тем, что, как уже упоминалось ранее, превалирующей религией в стране примерно с 7-го века н.э. был дзен-буддизм (чань {кит.}, сон {кор.}, тьен {вьет.}). Попробуем обосновать приведённую нами гипотезу.

Как известно, Учение дзен передано Буддой Маха-Кашьяпе на горе Гридхракуте (Орлиной горе), что в Индии.

В ходе так называемой цветочной проповеди, выслушать

¹¹ Мы не относим к памятникам литературы разного рода королевские указы, кулинарные книги или творения эпистолярного жанра, о которых, впрочем, мы упомянем впоследствии. По нашему глубочайшему убеждению, приравнять указанные письменные свидетельства эпохи к памятникам литературы всё равно, что приравнять сараи или, простите, ватерклозеты к памятникам архитектуры. Правительственные указы, кулинарные книги носят прежде всего служебный, вспомогательный характер, не в полной мере позволяющие судить о жизни исчезнувшей цивилизации. Они, скорее, помогают судить о степени безумия того или иного правителя, того или иного составителя кулинарных книг.

которую собралось великое множество людей, Будда молчал долгое время, держа в руках цветок. Лишь один стоявший в толпе монах (Маха-Кашьяпа) улыбнулся, пробудившись от непонимания, царившего в толпе.

Тогда Будда сказал: «У меня есть сокровище видения совершенного Учения, волшебный дух нирваны, свободной от нечистоты реальности, и я передал это сокровище Маха-Кашьяпе».

Миг пробуждения Маха-Кашьяпы случился, когда Будда поднял цветок над головой. Он увидел цветок таким, каковым тот являлся, и получил «печать сердца». Первый патриарх передал Второму патриарху своё глубокое понимание Учения от сердца к сердцу. Маха-Кашьяпа пробудился благодаря цветку и своему глубокому проникновению в суть Учения.

Основным выводом из этой притчи является то, что «истинное знание» нельзя передать на письме. Лишь направленность на достижение просветлённого состояния и посильная помощь наставника на пути достижения такого состояния может служить ключом к успеху.

Можно привести также и слова Умэня Хэйкая (Мумона Экая):

Слова не могут выразить всего.

В словах посланья сердца не опишешь.

А понимая их буквально, пропадёшь.

И объясняясь ими, не достигнешь

Ты цели этой жизни – просветленья.

Нам кажется, что концепция эта оказала непосредственное влияние на воззрения ятайцев. Вполне возможно объяснить отсутствие каких бы то ни было литературных произведений Страны Крайнего Востока тем, что её жители приняли на вооружение девиз, который можно выразить словами нашего соотечественника Ф. Тютчева, ёмко и всеобъемлюще вмещёнными в одну строку стихотворения «Silentio!»: «Мысль изреченная есть ложь».

Хотя нельзя исключить, что приведённая выше теория – не более чем заблуждение, обусловленное тем, что до настоящего времени какие-либо прозаические или поэтические произведения ятайских авторов на китайском языке не обнаружены. Весьма и весьма вероятно, что литературные творения записаны не китайским иероглифическим письмом, а не поддающейся расшифровке письменностью, и в ходе дальнейших попыток расшифровки имеющихся в распоряжении науки свитков будут обнаружены литературные памятники наподобие «Сказания о Гильгамеше», «Записей о деяниях древности» или «Старшей Эдды».

Однако может случиться и такое, что король Ятая, уподобившись первому императору династии Цинь – Шихуанди, внявшему совету своего приближённого Ли Сы, распорядился уничтожить все бесполезные книги¹², кроме хранившегося

¹² Причём критерий, по которому книги можно было отнести к «бесполезным», мог являться весьма и весьма произвольным.

ся в королевской библиотеке. Поскольку сведений о принятии такого решения ятайским монархом в имеющихся источниках не обнаружено, это не более чем гипотеза.

Представляется, что нельзя отнести к прозаическому литературному творению в прямом смысле этого словосочетания обнаруженную в частной коллекции семьи Сумитобо, проживающей в Токио, переписку юноши, проживавшего, по всей видимости, на одном из островов Страны Крайнего Востока, со своей японской возлюбленной.

В то же время из писем юноши можно почерпнуть значительное количество информации о населении островного государства, его привычках и увлечениях.

Большую часть переписки, разумеется, составляют клятвы в вечной любви и верности «несмотря на то, что нас разделяют тысячи ри¹³», сожаления по поводу того, что они относятся к разным социальным слоям, что препятствует их единению.

По всей видимости, влюбленные встречались как минимум два раза: когда девушка, принадлежавшая к аристокра-

¹³ Ри – японская мера длины, равная 3 927 м. (система мер Сякканхо, перенята из китайской системы мер, возникшей в XIII в. до н.э.). Вместе с тем, следует понимать условность введения нами данного термина. Дело в том, что китайский иероглиф, которым обозначается «ри», на китайском языке означает «ли», а это уже мера длины, которая в переводе на метрическую систему составляла в разные эпохи от 301,5 м до 503,89 м (некоторые источники, правда, настаивают на абсолютной идентичности японского «ри» и китайского «ли»). Однако поскольку переписка велась с жительницей японских островов, мы условно употребляем здесь именно японскую единицу измерения.

тическому роду, путешествовала в сопровождении матушки и няnek на острова архипелага, а также когда скромный служащий (вероятно, писарь) при короле Ятая предпринял путешествие, полное опасностей, в Японию к своей возлюбленной.

Девушку, как можно понять из писем, звали Синцзю («единение двух сердец»). Юноша подписывался иероглифами

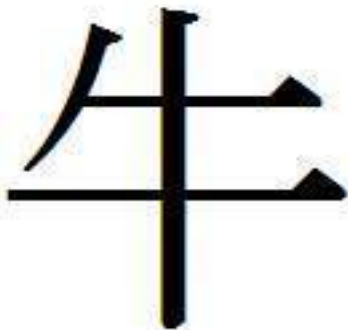
то есть «большая волна», которые звучат примерно идентично на китайском, корейском и вьетнамском «Да-ланг», а на японском – «Онами».

Помимо любовных признаний и вздыханий по поводу отсутствия рядом объекта пылких чувств, ряд писем содержат изложенные в возвышенной манере письма сведения о

похождениях юноши по городу, подробнейшее описание которого, начиная от питейных заведений, домов знатных горожан, мастеров фейерверков и прочая, и прочая, содержатся в письмах.

Онами даже хвастливо указал в одном из писем к возлюбленной, что «даже если этот город когда-нибудь будет разрушен, его легко можно будет восстановить по моим письмам к тебе, о Синцзю».

Как следует из содержания писем, юноша умалчивает, старательно обходит вопрос об отношениях его с женским полом, что достаточно естественно, поскольку он не хочет травмировать Синцзю. Тем не менее, некие оговорки, тени намёков свидетельствуют о том, что юноша со своими друзьями, имеющими клич-

ки Бык () и Бу Ян

不

言

(
не развлекались в одинокой холостяцкой компа-
нии. В частности, в одном из писем имеет-
ся упоминание о некоей вульгарной особе Мо Ли

莫

黎

(
сошедшейся с Бу Яном – одним из знакомых Онами.

В отличие от беллетристики и поэзии, сведения, хоть и скудные, о научных изысканиях, причём на достаточно высоком уровне, сохранились до наших дней.

В частности, в библиотеке Хайфона (Вьет Нам) имеется несколько разрозненных листов из трактата «О мироустройстве».

На одном из таких листов, несколько, правда, подпорченном ввиду воздействия воды, сохранилась формула, иероглифы которой в упрощённом виде можно перевести следующим образом:

«Энергия некоего тела является равной количеству вещества этого тела, дважды помноженной на скорость распространения света».

Кроме того, из плохо сохранившегося из-за воздействия влаги свитка исследователи извлекли информацию, которая на момент обнаружения казалась достаточно передовой.

«Поскольку любое событие может оказывать влияние только на те события, которые происходят после него, и никак не наоборот, а луч солнечный движется в пространстве космоса одинаково для любой инерциальной системы отсчёта, поэтому скорость луча солнечного в пространстве космоса является предельной скоростью движения и распространения взаимодействий».

Данные выкладки, правда, заслужили не очень лестной оценки Тьен Куана (яп. Тэхиро), буддийского комментатора научных трактатов, проживавшего на одном из островов

Ятая в неустановленный временной промежуток.

В частности, он написал: «Что же касается этих идиотских умозаключений, то они заслуживают лишь тихой улыбки Будды». Впрочем, любые теоретические научные выкладки удостаивались такой оценки от Тьен Куана (Тэхиро).

Мы не случайно высказывали сомнения относительно того, что ятайцы вкладывали в используемые при письме китайские иероглифы тот же смысл, что и жители страны, в которой эти иероглифы появились.

Дело в том, что из нескольких свитков с кулинарными рецептами ятайской кухни следуют сведения о достаточно-таки странных рецептах. В них, например, упоминается о приготовлении паштета из печени рыбы фугу

河豚

(
– звучит на китайском «хэту») или салата из светящихся

грибов. Ядовитость этих живых организмов является достаточно широко известной и представляется сомнительным, что на жителей Ятая такие яды не оказывали действия.

«В таком случае обнаруженные свитки являются не сборниками кулинарных рецептов, а, скорее, справочниками для самоубийц» остроумно заметил вьетнамский исследователь Вон Там Чиб.

В связи с вышеизложенным возникают большие сомнения в адекватности перевода и, соответственно, понимания всего изложенного в письменном наследии Ятая, в частности в королевских указах и научных трактатах.

Не исключено, что выражение, приведённое нами выше: «энергия некоего тела является равной количеству вещества этого тела, помноженной на скорость распространения света, помноженной на скорость распространения света» может звучать вовсе даже иначе, например: «дух человеческий – это наследственность, помноженная на воспитание и ещё раз воспитание».

Раздел V. «Развлечения».

Судя по имеющимся изображениям, о которых нами рассказано ранее, жители страны имели среди своих развлечений прогулки на природе, в том числе водные.

На основании письменных (письма Онами/Да-ланга) и графических свидетельств (картина «Сон гетеры») мы можем предположить, что на острове имелись и дома терпимо-

сти, и питейные заведения, где употреблялись, помимо чая, напитки и покрепче: сливовые и абрикосовые вина и наливки, а также и рисовая водка.

Разумеется, инстинкт размножения, превратившийся у людей, в силу некоторого отличия их от животных, в нечто иное, оставаясь тем же самым, а также жажду опьяняться никто не отменял. Было бы удивительно, если бы Ятай стал исключением и два вида сих богоугодных заведений на островах отсутствовали.

Очевидно, что жители Страны, находящейся восточнее Востока, предпринимали путешествия к евразийскому материку. Утверждать возможность путешествий к американскому материку, в частности, в страну Фузан (предположительно находится в границах современной Мексики), при отсутствии сведений об этом, не приходится.

Весьма и весьма любопытный артефакт, происхождением своим обязанный, по всей видимости, цивилизации Ятая, обнаружен не столь давно в частной коллекции, принадлежащей одной из состоятельнейших семей г. Бэйхая (Китай, побережье Тонкинского залива). Это несколько досок квадратной формы, изготовленных из сплава, который включает в себя медь, судя по зелёным окислам, имеющимся в труднодоступных местах, не поддающихся чистке.

Доски разлинованы перпендикулярными углублениями с дном округлой формы и предназначались, по всей видимости, для улаживания умов и сердец жителей исчезнувшего

островного государства, то есть для игры. На пересечениях линий расположены ямки. На одной из досок таких углублений $7 \times 7 = 49$, на второй $10 \times 10 = 100$ и, наконец, на третьей $100 \times 100 = 10\,000$.

В пользу того, что доски эти использовались для игры, красноречиво свидетельствуют обнаруженные вместе с ними отрывочные заметки, составленные китайским иероглифическим письмом. К сожалению заметки, имеющиеся на трёх листах тростниковой бумаги, не позволяют сколь-нибудь определённо судить о правилах игры, что, на наш взгляд, объясняет отсутствие распространения этой игры по материковой Азии, хотя, вполне вероятно, игра не получила распространения в связи с чрезвычайной её сложностью. Вероятно, она включала в себя элементы го или рэндзю, а, может, и обеих этих игр. Хотя нам остаётся об этом лишь строить предположения.

Исследователи указывают, что при прочтении разрозненных заметок с определённой долей уверенности можно сообщить следующее.

Игровым полем является доска размером в 10 000 клеток, вернее, лунок. Доски меньшего размера являются тренировочными. Определить, были ли ещё тренировочные доски, если можно так выразиться, промежуточных размеров, то есть, например, 19×19 и т.п. не представляется возможным. Вероятно, они были утеряны или по той или иной причине просто не были вывезены из Ятая путешественником, побы-

вавшим там.

Игровыми фишками выступал жемчужный бисер пяти цветов: белого, чёрного, зелёного, красного и голубого; по количеству стихий, которые, по представлению народов Дальнего Востока, являются основой всего сущего. Это земля, металл, вода, дерево, огонь.

Можно предположить, что правила игры каким-то образом базировались на представлении древних о том, что земля порождает металл, как металл порождает воду, вода – дерево, дерево – огонь, а огонь – землю. В свою очередь земля одолевает воду, как вода одолевает огонь, огонь – металл, металл – дерево, а дерево – землю.

Впрочем, нам остаётся лишь гадать на этот счёт – в заметках о принципах игры сказано немного. Известно, например, что правила игры для мужчин и женщин были разными, как и для хозяев и слуг, воинского сословия, рыбаков и ловцов птиц, монахов и купцов, сеятелей и жнецов.

В каждом из углов доски, а также по центру, находятся квадраты со стороной, равной восьми лункам. Количество квадратов на игровом поле, что очевидно, также равняется числу стихий, являющихся основаниями всего сущего. К каждому набору, состоящему из игровой доски и жемчужного бисера, прилагаются пять бамбуковых палочек, окрашенных в цвета стихий.

Вполне вероятно, что палочки исполняли роль игровых костей. Например, если наверху кучки палочек окажется та,

цвет которой совпадает с цветом, за который выступает игрок, он вправе выложить определённое количество бисера на игровое поле. Или же можно представить себе такую ситуацию, когда, как в древнеегипетском сенете, палочки выступают генератором случайных чисел.

В любом случае, они были призваны привносить в игру элемент случайности, служить воплощением сил, действующих помимо воли игроков и довлеющих над ними.

Впрочем, повторимся, гадать о правилах игры можно бесконечно, как, по-видимому, бесконечно могла длиться сама игра.

Раздел VI. «Речь».

Китайский путешественник Сяо Ли, живший, предположительно в V-VI в.в. н.э., так характеризует речь ятайцев: «Что же касается речи тех островитян, то потешила она меня немало. Напоминает она не разговор, но песню птиц».

Житель государства Силла (57 г. до н.э. (?) – 935 г. н.э.) Хы Чин Соль, чьи записи датируются примерно VIII-X в.в. н.э. приводит следующее высказывание, в каком-то смысле похоже на предыдущее: «Услышав впервые разговор двух жителей Страны Крайнего Востока я решил поначалу, что слышу песню дрозда и лишь по пребывании в этом островном государстве на протяжении полутора лет я начал разбирать слова некоего диалекта, неуловимо напоминающего мне язык наших западных соседей из Страны девяти земель».

Исходя из данных свидетельств и ряда других отрывочных сведений о речи жителей Страны «находящейся за кромкой Восточного моря», можно заключить, что, во-первых, представители каждой из стран Дальнего Востока, распознавали в языке островного государства язык соседнего государства, то есть он отличался от языков этих государств, а во-вторых, речь островитян больше была похожа на мелодичную песню пернатых.

Гибель Ятая (Раздел VII).

Обращаясь, опять же, к письменным источникам, мы можем найти в японском сборнике, обнаруженном в библиотеке г. Нара следующий обрывок письма, адресованного настоятелю храма Тодай-дзи, расположенного в этом же городе, Митигато Икэю, жившему, по всей видимости, в X веке, неизвестным монахом, жившим, как следует из текста письма, на восточном побережье о. Хонсю:

«Я спал и посреде ночи был разбужен прозвучавшим в моей голове страшным предсмертным воплем десяти десятков тысяч голосов. Когда же я зажёл светильник и попытался осознать произошедшее со мной во сне, стены моего жилища заходили ходуном и я, падая и спотыкаясь, выбежал в страхе в храмовый дворик.

Судя по грохоту, раздававшемуся за моей спиной, жилище, в котором я обитал последние десять лет, было частично разрушено. Когда дрожь земли унялась, я, вознеся молитву Буд-

де Амиде за моё чудесное спасение, направился к жилищам своих собратьев, чтобы выяснить, остался ли кто из них в живых.

К горю своему я обнаружил, что настоятель и остальные монахи погребены под обломками своих жилищ. Слезы застили взор мой, когда решил я спуститься к селению Хайсу, находящемуся у подножья храмового холма на морском берегу, чтобы молить людей, проживающих там, о помощи в разборе обломков храма и монастырских строений.

Странная гнетущая тишина потрясла меня, пока я держал путь свой до деревни. Внезапно страшный грохот, подобный падению о камни тысяч волн, раздался со стороны селения.

Я быстро добрался до лесной прогалины на склоне холма, с которого я спускался, дабы попытаться разглядеть в сером свете раннего утра, что могло случиться там, внизу, что явилось причиной того жуткого грохота, раздававшегося со стороны моря.

Передо мной разверзлось чудовищное зрелище, от которого душа моя пришла в ни с чем не сравнимое смятение. На месте деревушки разлилась бурлящая поверхность вод Восточного моря, по которой, поднимаясь всё выше и выше, прокатывались, насколько я мог видеть в сумеречном свете, по всей ширине моря, гигантские валы.

Подумав в тот момент, что, разгневавшись, море решило поглотить Страну тростниковых долин, я бросился на землю и, невзирая на то, чему учил меня мой наставник, разрыдал-

ся, ибо не чувствовал себя готовым к тому, чтобы погибнуть под толщей воды, да и надвигающаяся на все живые существа опасность не могла оставить меня равнодушным.

Прошло, однако, достаточно много времени, о чём я мог судить по вышедшему из-за горизонта солнечному диску, но я всё ещё не был поглощён бушующими водами.

Я поднялся и обратил свой взор на то место, где располагалось ещё недавно Хайсу, ожидая увидеть там беснующийся океан, однако, к удивлению своему, увидел лишь разбросанные в беспорядке останки жилищ несчастных жителей селения. Воды морские вернулись в свои берега и ничего, казалось, не напоминает о том, что ещё некоторое время назад на месте Хайсу смыкались волны.

Лишь затем от путешественников, да отважных рыбаков, рискующих отправляться в далёкие плавания в восточном направлении, я узнал, что землетрясение и последовавшая за ним яростная атака морских волн на побережье Страны восьми островов ознаменовали гибель Страны Восточного моря.

Икэй Митигато».

Данным, содержащимся в этом письме, противоречат сведения, имеющиеся в трактате «О путешествиях в пределах четырёх морей», создание которого соотносят с периодом воцарения династии Чосон на территории нынешней Кореи, которое, как известно, произошло в конце XIV века н.э.

В нём, в частности, указывается, что последние упоминания об архипелаге, находящемся в Тихом океане, относятся ко времени расцвета Корё (XI-XII вв.).

«Те же, кто рассчитывал увидеть в месте том [подразумеваются, очевидно, острова описываемого нами архипелага] полную благовонных равнин и цветущих садов сушу, обнаружили к немалому удивлению своему лишь бесплодную водную пустыню под спящим солнцем» – содержится указание Хо Чин Сона в данном трактате.

Сложно с достоверностью судить о том, в какой конкретно временной промежуток произошла гибель островной цивилизации Ятая – для этого слишком мало данных, содержащихся в сохранившихся письменных источниках, и они чересчур расплывчаты.

Даже относительно того, к какой временной эпохе следует относить годы жизни настоятеля храма Тодай-дзи. Так, специалист по Древней и Средневековой Японии Я. Нагати утверждает в своём обширном исследовании «Посвящение в эпоху Камакура (1185-1333 гг. н.э.)» упоминает о Митигато Икэе, бывшем наставником храма в середине XIII века. Оспаривая его точку зрения, другой японский историк Н. Хокэтсю, утверждает, что Икэй жил в Наре не позднее IX-X веков.

У ряда учёных вызывает сомнение сам факт того, что содержание письма неизвестного монаха, которое было приведено нами выше, имеет отношение к гибели Окраинных зе-

мель. В частности, утверждается, что так называемый «воплъ десяти десятков тысяч», по всей видимости, являлся лишь отголоском кошмара, приснившегося монаху в ночные часы, непосредственно предшествовавшие стихийному бедствию, обрушившемуся на Страну восходящего солнца в те древние времена.

Бесспорно, у монаха, вследствие работы над телом и духом, могла сработать интуиция, разбудившая его непосредственно перед началом землетрясения и спасающая ему, таким образом, жизнь.

Противники же такой скептической точки зрения на содержание письма монаха, жившего некогда на восточном побережье Японии, упирают как раз на то, что как раз работа над телом и духом позволила ему услышать крик ужаса, раздавшийся за тысячи километров от него со стороны архипелага Страны Крайнего Востока.

Спорам относительно времени гибели островной цивилизации нет конца. С определённой долей вероятности можно утверждать исключительно о возможности исчезновения в глубинах океана Ятая в период с IX по XIV века.

Немало споров вызывает также и вопрос о том, какой природный катаклизм подвёл финальную черту в истории островного государства.

Можно утверждать, что с вопросом о гибели мифической Атлантиды всё более или менее ясно – остров этот, расположенный некогда в Эгейском море, вулканического проис-

хождения, поэтому вулканическая активность в промежутке между XVII-XV веками до н.э. привела к разрушению цветущей Атлантиды практически до основания и образованию кальдеры Санторин, а также послужила причиной гибели минойской цивилизации.

В отношении Страны Крайнего Востока не всё столь ясно и прозрачно. Гибель цивилизации может быть обусловлена как вулканической деятельностью, охватившей все острова одновременно, что представляется сомнительным, так и некой сейсмической деятельностью, обрушившей подводные скалы, на которых находился архипелаг, в океанскую бездну.

Вот, собственно, и всё о неизвестном никому архипелаге, само существование которого, по зрелому размышлению, представляется весьма и весьма сомнительным. Хотя... Кто знает, может быть Япония спаслась от некоего ужасающего бедствия, произошедшего в те незапамятные времена? – Гряда островов Ятая, находящаяся в 1000-1500 км к востоку от неё, загородила японский архипелаг от натиска океанской стихии, породённой каким-то жутким катаклизмом, произошедшим в мрачных глубинах гигантского «Восточного моря».

Нам остаётся лишь гадать на глади океана.

Смартолюбцы (Поручик Мисима отдыхает на тихоокеанской ривьере)

14

*Всем зомбированным
смартфонами посвящается*

Пашино детство не сильно отличалось от детства его будущей жены Лены. Те же пыльные летом и занесённые непролазными снегами зимой дворы, детвора, изъяснявшаяся, подобно своим родителям, исключительно на том специфическом наречии, в котором из цензурных слов только предлоги да имена собственные.

И окажись наши герои в каких-нибудь пятидесятых-восемидесятых, следовало бы им судьбе их дворовых знакомых – пиво в подворотне, рваные струны да сопли кровавые. Однако же повезло им невероятно – родились они на излёте двадцатого столетия, то есть во времена их позднего детства появились планшеты и смартфоны – умнейшие устройства, вызывающие у всего человечества неподдельный восторг своей сложнейшей организацией.

¹⁴ Подзаголовок, заключённый в скобки, призван адресовать нас к вычурной местами поэтике «Патриотизма» Ю. Мисимы, красочно описывающего ритуальное самоубийство молодого офицера и его прекрасной жены.

Разумеется, что у Паши, что у Лены все радостные впечатления детства напрямую были связаны с компьютерами, поэтому как только в продаже появились указанные выше хитроумные устройства, родители (здесь и далее по тексту – обслуживающий персонал), повинувшись нытью и стонам отчаяния своих отпрысков, приобрели нашим героям смартфоны.

Естественно, каждый год, да не по разу, отпрыски напоминали о необходимости обновления приобретённых смартфонов, что покорные родители (обслуживающий персонал) и осуществляли по мере финансовых возможностей.

Обслуживающий персонал (они же родители Паши и Лены), будучи поглощённым своими заботами, в частности, вопросами о том, как накопить денег на очередное обновление смартфона своим чадам, не заметил прогрессирующую деформацию личности, сопряжённую с размягчением мозгов, обусловленную полным погружением отпрысков в мир виртуального общения, виртуальных же снов и яви.

Каждый раз, видя плоды чресл своих лежащими по кроватям кверху пузами и уткнувшимися в экраны своих «размягчителей мозгов», они пытались убедить их в опасности превращения их организмов в приложение к смартфону и вреде для здоровья. Однако сталкиваясь с ужасающими последствиями абстинентного синдрома, обусловленного принудительным отлучением отпрысков от их устройств и вынужденным их выпадением из виртуальных миров, обслуживающий персонал, возвращая детям смартфоны, тешил себя

надеждой, что «всё это пройдёт» и «слава Богу, не по подворотням шляются».

Забыл упомянуть: и Паша и Лена до наступления темноты, обусловленной гаджетозависимостью, увлекались безудержно японскими рыцарями – самураями, с их обычаями и мировоззрением.

Пришло время половой зрелости и возраста деторождения. Паша и Лена познакомились в чате и, поскольку их увлечения и интересы целиком и полностью совпадали – они полностью были в сфере виртуальной реальности и служения её величеству Цифре – то вопросов о совместимости характеров и притирке организмов у молодых не возникало.

Не могу не обратиться к словам поручика Мисимы, который, как уже было указано ранее, отдыхает на тихоокеанской ривьере Японии, с её яростными океанскими волнами и опасными холодными течениями, норовящими унести зазевавшихся купальщиков в глубинные пределы Великого океана.

«Те, кто присутствовал на бракосочетании или хотя бы видел свадебную фотографию, в один голос восхищались красотой молодой пары» начертал с помощью кандзи и хираганы в своём рассказе «Патриотизм» незабвенный Хираока Кимитакэ, он же Мисима Юкио.

А ещё он начертал: «После того как супруги покончили

с собой, люди, глядя на памятную фотографию, вздыхали и говорили, что такие идеальные, на первый взгляд, союзы всегда приносят несчастье».

В нашем повествовании всё было примерно так же. Хотя и с немного бледноватым, землистым цветом лиц и синяками под глазами от ночных бдений, Паша и Лена смотрели друг на друга любящими подслеповатыми глазами, а также с удивлением глазели на огромное количество родственников, собравшихся по поводу их бракосочетания. Фотографы, кружившие вокруг нашей счастливой пары, поименованной нами смартолюбцами, старались запечатлеть на века каждое их движение и взгляд.

Все, в том числе и Паша с Леной, признавали впоследствии, что фото получились что надо, хотя каждый жест рук и движение глаз неуклонно напоминали о тяге молодых к своим электронным устройствам, информационном голоде, обусловленном отсутствием сведений о количестве просмотров их страничек в Инстаграме и Фейсбуке и выставленных «лайках».

После свадьбы для молодых изменилось немного – их тела просто плавно переместились в двуспальную кровать в крохотной однокомнатной квартире, купленной по случаю свадьбы количественно удвоившимся обслуживающим персоналом.

Речи о свадебном путешествии не было – молодые на предложение родителей съездить за границу сразу же заяви-

ли единоголосно: «Чо мы там не видели?» и «Лучше купите нам новые смартфоны».

Я упомянул ранее, что для молодых изменилось немного, имея в виду, что сущностно для них действительно изменилось немного: они, теперь уже вдвоём, торчали до поздней ночи в соцсетях, на кино- и игровых сайтах, отвлекаясь на справление нужд, в том числе и половой (а то чо женились-то?), походы к холодильнику и заказ еды на сайтах доставки.

Все эти походы по нуждам, приём пищи не означали перерывов в общении с любимыми гаджетами. Паша вообще заметил, что справление большой нужды у него лучше получается при прохождении какой-нибудь «стрелялки», а по малой он может сходить и под второсортный киношный детективчик.

В первый, так называемый медовый месяц Паша и Лена ещё прерывали общение со смартфонами на то, чтобы «подружиться организмами», однако после того как Паша сначала несмело, а затем уже в открытую во время соитий начал тыкать в сенсорный экран своего гаджета и Лена подхватила такое замечательное начинание, сёрф по сайтам интернета не прекращался уже ни на секунду. Лена даже признавалась Паше, что такой секс её возбуждает гораздо больше, чем обычное «животное» совокупление.

В принципе, нынешний распорядок дня молодых остался таким же. Единственным досадным недоразумением яв-

лялось отсутствие постоянного присутствия обслуживающего персонала в квартире молодых, а также необходимость постоянного выклянчивания переводов денег на банковские карточки Паши и Лены. Тем не менее, с такими мелкими бытовыми проблемами молодые справлялись с переменным успехом, и всё бы ничего, но обслуживающий персонал стал как-то потихоньку и незаметно редеть: постепенно переместившись из своих квартир на погост, обрели покой родители Лены и Паши.

А ведь молодым не было ещё и тридцати! Как жить?

Квартира молодых начала зарастать пылью и паутиной – между спальней, кухней и санузелом смартолюбцами в зарослях скатавшейся пыли были проложены тропинки. Ножи тупились и ржавели, как ржавели и ложки с вилками.

В раковине горделиво возвышалась стопка заляпанных едой тарелок, блюдец и чашек. Для того, чтобы поесть: Паша или Лена вытаскивали одну тарелку из стопки, сбрызгивали её водой и, удовлетворившись проделанной работой, выкладывали на «вымытую» посуду еду, чтобы, не отрываясь от своего гаджета, утолить голод.

Быстро растранижив на обновление парка умных гаджетов и заказ суши-роллов-шашлыков скромные сбережения родителей, доставшиеся в наследство, Паша и Лена представили перед лицом неотвратимого – необходимости самостоятельного заработка.

Паша устроился на работу в какую-то контору сисадми-

ном, но, не проработав и месяца, уволился, поскольку там его заставляли работать, отвлекая от любимого занятия. К тому же работодателю не очень понравилось, что Паша не может и двух слов связать, объясняя почтенным матронам из бухгалтерии особенности работы с новым пакетом офисных программ.

Постепенно молодую семью начали за неплатежи отключать от благ цивилизации. Первой пропала сотовая связь – у операторов сотовой связи разговор короткий – нет денег, нет любви (связи).

Затем пропал интернет. С этой бедой Паша достаточно легко справился, взломав код доступа к соседскому WiFi. Неизбывное торможение, сопровождавшее загрузку сайтов, хоть и раздражало молодых, но, понимая, что иных альтернатив у них нет, они удерживали себя от позывов пойти набить морду соседям, которые посмели забирать себе трафик.

Первые звоночки, предвещавшие неумолимо надвигающуюся кровавую развязку, начали звучать, когда соседи уехали на моря-океаны на всё лето и выключили свой router. К другим сетям подключиться не удавалось – слишком слабый сигнал не пробивался сквозь монолитные стены квартиры.

В ближайшем к дому кафе уже через два дня непрерывного сидения упёршихся в экран Паши и Лены, на них стали смотреть свирепыми, не предвещавшими ничего хорошего глазами, а на третий и вовсе сказали сначала сделать заказ,

а затем уже садиться за столик.

Тьма начала окутывать наших героев – ведь они, почитай и жить-то не могли без погружения в смартфонную реальность. Условные рефлексy и инстинкты были завязаны на функционирование гаджетов. Некоторой заменой, можно сказать паллиативом, служили некоторое время офф-лайн игры, но на ту беду «Энергосбыт» отключил электричество. Паша нашёл три аккумулятора с остаточными количествами заряда, которые парочку раз удавалось зарядить у соседей.

Наступила ночь развязки. Электричество закончилось окончательно и бесповоротно. Пару раз безуспешно сходя в туалет и потерпев полное фиаско в кровати с лежавшей в ступоре Леной, Паша принял решение, понимая, что перед ним и его половиной открывается лишь печальная перспектива прозябания на задворках виртуальной вселенной и в подворотнях вселенной физической.

Он растолкал свою молодую супругу, втолковал ей, что теперь жизнь утратила всякий смысл, и предложил ей сделать ритуальное, в духе самураев, самоубийство – сэппуку. Лена лишь равнодушно пожала плечами, выражая таким образом своё согласие с доводами Паши.

Началось приготовление к совершению обряда. Достав из груды накопившейся в раковине грязной посуды затупившийся длинный нож для резки хлеба и расколотив по неосторожности пару тарелок (хотя какой смысл было обращать внимание на такие мелочи?) Паша принялся искать по

шкафам короткий кухонный ножик, предназначавшийся Лене.

Поиски затруднялись отсутствием освещения – слабый свет от фонарей, освещавших мокрый асфальт дороги, находившейся пятью этажами ниже уровня пола их квартиры, не позволял разглядеть как следует обстановку тесной кухни.

Наконец, нож, а также абразивный брусок для заточки были найдены в одном из ящиков кухонного гарнитура и Паша, чертыхаясь и покрывая руки глубокими порезами, заточил ножи, предназначавшиеся для ритуального самоубийства.

Пока муж точил ножи, Лена оставила корявые надписи карандашом на стенах квартиры, гласившие: «жить так больше нету сил», «мы уходим, нас не ждите», «да здравствует Цифра!», после чего присоединилась к Паше на кухне.

До этого она, пораскинув мозгами, решила открыть входную дверь в квартиру. «Ей бы не хотелось, чтобы люди обнаружили их тела, когда они уже начнут разлагаться» сказал бы по этому поводу Хираока Кимитакэ.

Паша уже сидел на кухне в позиции сэйдза и ждал Лену...

Далее рука моя не поворачивается на экране моего смартфона буквы, складывающиеся в строки, повествующие о подробностях произведённого молодыми людьми ритуального, в духе самураев, самоубийства. Ибо как русскоязычный сможет передать острые чувства и ощущения, испытываемые человеком, вспарывающим своё пузо холодным

оружием?

За консультацией на этот счёт лучше обратиться к Юкио Мисиме – он лежит во-он на том шезлонге в третьем ряду от кромки прибоа.

Голова должна быть где-то неподалёку...